

150 ЛЕТ ЛЕОНИД
АНДРЕЕВ
Леонид Андреев

Автономная некоммерческая организация
дополнительного профессионального образования
«Институт повышения квалификации государственных служащих»

Фонд поддержки культурных и научно-просветительских инициатив
«Родное наследие»

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ: ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

К 150-летию со дня рождения

Москва
2021

УДК 303.422
ББК 7Д
Л47

Составители:

Дмитрий Александрович Алексеев — историк-архивист,
заместитель руководителя Образовательно-выставочного проекта
к 150-летию писателя Леонида Андреева

Антон Семёнович Никулин — президент Фонда «Родное наследие»,
руководитель Музея Леонида Андреева в Бутове

Руководитель проекта:

Наталья Эдуардовна Никольская — директор АНО ДПО «ИПК ГС»

Л47   **Леонид Андреев:** жизнь Человека / сост. и авт. вступ. ст. Д. А. Алексеев, А. С. Никулин ; АНО ДПО «ИПК ГС» ; Фонд «Родное наследие». — Москва : Издательство + дизайн-бюро «ред.», 2021. — 160 с.

В альбоме, подготовленном к 150-летию выдающегося русского писателя Леонида Николаевича Андреева (1871–1919), собраны уникальные биографические материалы из фондов Музея истории российской литературы имени В. И. Даля (Государственного литературного музея), Орловского объединенного государственного литературного музея И. С. Тургенева и Музея Леонида Андреева в Бутове. Также представлены отрывки из воспоминаний современников – известных русских писателей и деятелей культуры, а также собственные тексты автора. Структура альбома опирается на основные этапы жизненного пути Л. Н. Андреева, отсылая читателей к одному из знаковых произведений писателя – пьесе «Жизнь человека». Альбом адресован всем интересующимся творчеством Леонида Андреева и историей русской культуры Серебряного века.

УДК 303.422
ББК 7Д

*Издание осуществлено на средства гранта Министерства просвещения
Российской Федерации при реализации федерального проекта
«Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» национального проекта
«Образование» в 2021 году в рамках образовательно-выставочного проекта
к 150-летию со дня рождения писателя Леонида Андреева*

© АНО ДПО «ИПК ГС», 2021
© Фонд «Родное наследие», 2021
© ООО «Издательство + дизайн-бюро «ред.», 2021

Предисловие

В 1907 году поклонники творчества Леонида Андреева получили настоящий подарок: свет увидела его пьеса «Жизнь человека». Позади шесть лет славы с момента выхода первого сборника рассказов, отрезок пути от журналиста до известного писателя. Впереди еще 12 неполных лет трудностей и исканий, одиночества и смерти вдали от России и литературы. Чем была для него эта пьеса: пророчеством собственного будущего или заранее заготовленным сценарием? Как бы то ни было, все акты разыграны, и сегодня мы можем взглянуть на жизнь, судьбу, творчество и эмоции великого, но ныне незаслуженно забытого Леонида Николаевича Андреева.

Он был очень талантлив, противоречив и живописен: умел мастерски рисовать словом (и не только им). Благодаря Андрееву и его драматическим произведениям по-новому были раскрыты таланты театральных постановщиков Всеволода Мейерхольда, Константина Станиславского, Владимира Немировича-Данченко, свою славу получили ставшие признанными мастера Московского художественного театра, такие как Василий Качалов. Произведения Леонида Андреева и сегодня становятся объектом споров не только среди специалистов, но и среди многих вдумчивых читателей. Его литературное творчество принимало многие формы, воплощалось в очень разных жанрах.

Но не только этим известен Леонид Андреев. Он был активным и современно мыслящим человеком, откликавшимся на многие инновации своего времени. Он пробовал себя во всем, прошел путь от автора судебных очерков до редактора газеты, от драматурга до фактически директора собственного театра. Увлечшись модным направлением цветной фотографии, навсегда встал в один ряд с таким корифеем отечественного фотодела, как Сергей Прокудин-Горский. А значит, знакомство с судьбой писателя и его произведениями — это отличная возможность увидеть, как в сложных условиях он вновь и вновь искал себя, совершал блестящие находки, добивался общественного признания.

Слава и деньги, злые языки критиков и завистников, астрономические по тем временам тиражи книг, смерть жены, несколько лет одиночества вдали

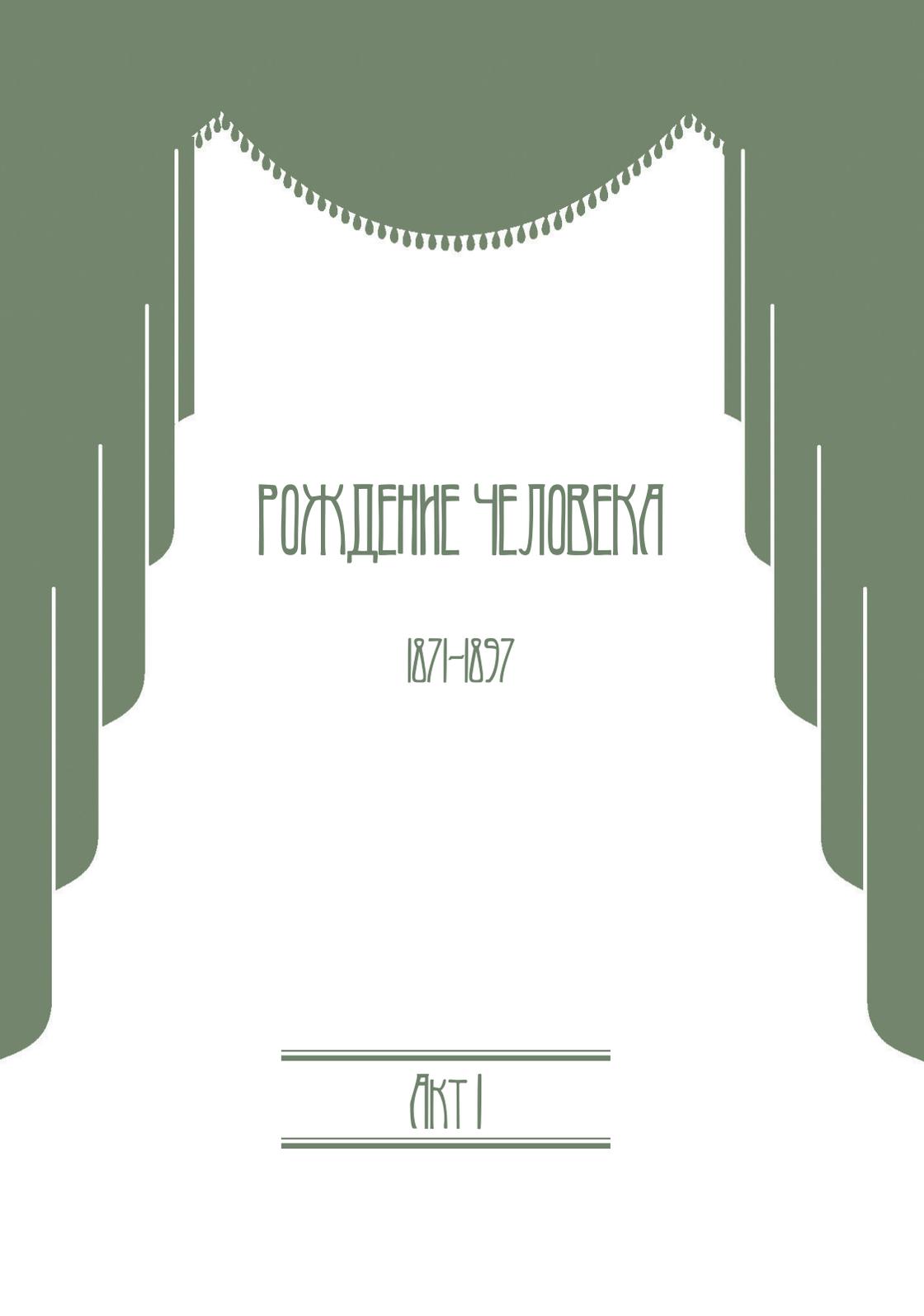

от не понимавших его друзей — казалось бы, достаточно событий для одного человека, нужно остановиться, осознать все это, пережить. Но нет, темп его жизни не такой. Андрееву удавалось быть еще и яхтсменом, художником, архитектором, в некотором смысле политиком.

Нить повествования этой книги — линия жизни, Жизни Человека, а форма — фоторепортаж, фотохроника. Где-то она парадная и светская, где-то семейная и интимная. Может показаться, что такая мозаика фотографий складывается в семейный альбом. Он составлен нами из десятков снимков, собранных по всему миру — от Москвы и Орла до города Лидса в Англии, где и по сей день находится британский архив Андреева. Многие из этих фотографий и документов зритель увидит впервые. Прокомментировать альбом как семейную историю взялись сами современники и родственники писателя. Об Андрееве расскажут Корней Чуковский и Борис Зайцев, Максим Горький и Николай Телешов. Слово будет дано и самому писателю. Его голос — в цитатах из писем и дневников, которые также приведены на страницах издания.

Составители альбома благодарят за помощь и поддержку исследователей жизни и творчества Андреева, в первую очередь к. ф. н., ведущего научного сотрудника ИРЛИ РАН Михаила Козьменко, исследователя и хранителя андреевского архива в Лидсе Ричарда Дэвиса, кандидата искусствоведения Елену Булышеву, краеведа и популяризатора имени Андреева на Черной речке Нину Григорьеву, коллектив Орловского государственного литературного музея И. С. Тургенева во главе с директором Верой Ефремовой, руководителя Дома Леонида Андреева Татьяну Полушину, научных сотрудников Елену Коханову и Надежду Деулину, хранителя фондов Наталью Уракову. Успешным стало продолжение сотрудничества с коллективом Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля. Это стало возможным благодаря стараниям Марины Красновой, Тимура Хайрулина и Эрнеста Орлова при неизменной поддержке Натальи Папановой и директора Дмитрия Бака.

**Дмитрий Алексеев
Антон Никулин**

РОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

1871-1897

АКТ I

«Давно это было, давно. Я жил в городе, в котором есть природа, и отсюда, понятно, что город этот не был Москва. В том городе были широкие, безлюдные, тихие улицы, пустынные, как поле, площади и густые, как леса, сады. Летом город замирал от зноя и был тих, мечтателен и блаженно-недвижим, как отдыхающий турок; зимой его покрывала густая пелена снега, пушистого, белого, мертво-прекрасного. Он высокими белыми горами лежал на крышах, подходил к самым окнам низеньких домов и немой тишиной наполнял весь город. И только три раза в день нарушалась эта мертвая тишина. Один за другим медленно и спокойно выплывали из белой дали звуки церковного колокола, одиноко пронеслись в немом пространстве и быстро угасали без отзвука, без тени. И я любил слушать их в вечерний сумеречный час».

Л. Андреев. «Когда мы, мертвые, пробуждаемся»

Леонид Андреев*

Я плохо знаю моих восходящих родных: большинство из них умерло, либо безвестно затерялось в жизни, когда я был еще маленьким. Но насколько могу судить по тем немногим данным, которые дало мне наблюдение, мое влечение к художественной деятельности наследственно опирается на линию материнскую. Именно в этой стороне я нахожу наибольшее количество людей одаренных, хотя одаренность их никогда не поднималась значительно выше среднего уровня и часто, под неблагоприятными влияниями жизни, принимала уродливые формы. Бескорыстная любовь к вранью и житейскому вредному сочинительству, которой иногда страдают обитатели наших медвежьих углов, часто бывает неразвивавшимся зародышем того же литературного дарования. И пылкое фантазерство, не находившее себе границ в условиях скудной действительности, составляло характерную черту некоторых моих родственников, повторяю, уже умерших. В смысле обычной талантливости они, оставаясь самоучками, проявляли себя так: одни любили и умели рисовать, но не шли дальше лошадей и турок в фесках; другие имели склонность к музыке, но другого инструмента, кроме трехрядной гармоника, не знали. Покойный отец мой был человеком ясного ума, сильной воли и огромного бесстрашия, но к художественному творчеству в какой бы то ни было форме склонности не имел. Книги, однако, любил и читал много, к природе же относился с глубочайшим пониманием и той проникновенной любовью, источник которой находился в его мужицко-помещичьей крови. Был хорошим садоводом, всю жизнь мечтал о деревне, но умер в городе.

Чтобы покончить с вопросом о наследственности, скажу, что отец и мать поженились очень рано, оба были людьми здоровыми и очень крепкими, а отец, кроме того, отличался огромной физической

* Андреев Л. Н. Автобиографическая справка (отрывок). 1910 г.

силой. В городе отец умер рано, всего сорока двух лет, скоропостижно, от кровоизлияния в мозг; в деревне он мог бы дожить и до ста лет.

Читать я начал шести лет и читал чрезвычайно много, все, что попадалось под руку; лет с семи уже абонировался в библиотеке. С годами страсть к чтению становилась все сильнее, и уже с десяти-двенадцати лет я начал ощущать то известное провинциальному читателю чувство, которое могу назвать тоскою о книге. Моментом сознательного отношения к книге считаю тот, когда впервые прочел Писарева, а вскоре затем «В чем моя вера?» Толстого. Это было в классе четвертом или пятом гимназии; и тут я сделался одновременно социологом, философом, естественником и всем остальным. Вгрызался в Гартмана и Шопенгауэра и в то же время наизусть (иначе нельзя было) вы зубрил полкниги «Учение о пище» Молашотта. К двадцати годам я был хорошо знаком со всею русскою и иностранною (переводною) литературою; были авторы, как, например, Диккенс, которых я перечитывал десятки раз. Вообще же любил и до сих пор люблю только толстые книги; и в библиотеке брал лишь такие, при которых цена была обозначена не меньше рубля.

Но о том, чтобы быть писателем, не думал, ибо чуть ли не с самого младенчества чувствовал страстное влечение к живописи. Рисовал много (первой учительницей была мать, которая держала карандаш в моих руках); но так как в Орле ни школ, ни настоящих учителей не было, то все дело ограничивалось бесплодным дилетантизмом. Бывали удачные рисунки и портреты, за которые меня хвалили, а учителя гимназии советовали немедленно ехать в академию (обычная форма совета была такова: чем сидеть на Камчатке и протирать парту, поезжайте-ка... и т. д.), но еще чаще бывали неудачи, и во всем, что я рисовал, чувствовалось отсутствие школы, иногда простая неграмотность. Натуры я не любил и всегда рисовал из головы, впадая временами в комические ошибки: до сих пор вспоминаю лошадь, у которой по какой-то нелепой случайности оказалось всего три ноги. Все уже кончил, «оттушевал» бока, похожие на колбасу, а четвертую ногу

позабыл. И только посторонний, критический взгляд открыл мне мою позорную забывчивость. И до чего было обидно, прекрасно оттушеванной колбасы никто не заметил, а над ногою все смеялись. Фантазировал я бесконечно: был у меня огромный альбом «рож», штук триста, и года два или три я провел в мучительных поисках «Демона».

О писательстве задумался впервые лет семнадцати. К этому времени относится очень характерная запись в моем дневнике; в ней с удивительной правильностью, хотя в выражениях и ребяческих, намечен тот литературный путь, которым я шел и иду поныне. Вспомнил о дневнике случайно, когда был уже писателем, с трудом нашел эту страничку — и был поражен точностью и совсем не мальчишеской серьезностью сбывающегося предсказания.

В гимназии к моим «сочинениям» относился очень благосклонно директор, он же преподаватель русского языка И. А. Белоруссов.

Первый мой, однако, литературный опыт был вызван не столько влечением к литературе, сколько голодом. Я был на первом курсе в петербургском университете, очень серьезно голодал и с отчаянием написал прескверный рассказ «О голодном студенте». Из редакции «Недели», куда я самолично отнес рассказ, мне его вернули с улыбкой. Не помню, куда он девался. Потом были и серьезные попытки проникнуть в литературу: посылал я рассказы и в «Северный вестник», и в «Ниву», и уж не помню куда и отовсюду получал отказ, в общем совершенно справедливый — вещи были плохи. Но меня эти неудачи привели к тому, что к окончанию университета, т. е. к 27-ми годам, я уже совершенно не думал о литературе, серьезно решил стать присяжным поверенным.

Но здесь вмешалась в дело «случайность». Между прочим, сам я «случайности» не признаю и прибегаю к этому выражению только в целях упрощения рассказа. Дело заключалось в том, что один знакомый адвокат, знавший о моих попытках писательства и даже непосредственно знакомый с некоторыми из моих неудачных рассказов, предложил мне место судебного репортера в газете

«Московский вестник». Как репортер я заслужил одобрение, месяца через два переключался в только что возникшую газету «Курьер», а дальше все уже по-писаному: сперва репортаж, потом маленькие фельетоны, потом большие, потом робкая пасхально-праздничная беллетристика и так далее. Здесь мой путь, как мне кажется, ничем не отличается от пути всякого иного беллетриста, начавшего свою литературную деятельность в газете. Работал я очень много, но в деньгах нуждался: половину у меня черкала цензура, а за другую половину оставалось по тогдашней почасовой плате не так уж много. Помню, что за рассказ «Большой шлем» я получил 18, не то 19 рублей. В редакции «Курьера» ко мне относились хорошо, чувствовал я там себя превосходно и, подпав под гипноз типографской краски, без всякого дела просиживал ночи в типографии с секретарем И. Д. Новиком. Благодарную память храню я и о редакторе нашей газеты Я. А. Фейгине.

Как первым моментом моего сознательного отношения к книге я считаю чтение Писарева, так пробуждением истинного интереса к литературе, сознанием важности и строгой ответственности писательского звания я обязан Максиму Горькому. Он первый обратил серьезное внимание на мою беллетристику (именно на первый напечатанный мой рассказ «Баргамот и Гараська»), написал мне и затем в течение многих лет оказывал мне неоценимую поддержку своим всегда искренним, всегда умным и строгим советом. В этом смысле знакомство с Максимом Горьким я считаю для себя, как для писателя, величайшим счастьем, и если говорить о лицах, оказавших действительное влияние на мою писательскую судьбу, то я могу указать только на одного Максима Горького — исключительно верного друга литературы и литератора. Только известная сдержанность по отношению к нему заставляет меня удержаться от более горячего выражения чувства признательности и чувства глубокого, единственного уважения.

Максим Горький*

Я видел, что этот человек плохо знает действительность, мало интересуется ею, — тем более удивлял он меня силой своей интуиции, плодovitостью фантазии, цепкостью воображений. Достаточно было одной фразы, а иногда — только меткого слова, чтобы он, схватив ничтожное данное ему, тотчас развил его в картину, анекдот, характер, рассказ.

— Что такое С.? — спрашивает он об одном литераторе, довольно популярном в ту пору.

— Тигр из мехового магазина.

Он смеется и, понизив голос, точно сообщая тайну, торопливо говорит:

— А — знаете — надо написать человека, который убедил себя, что он — герой, эдакий разрушитель всего сущего и даже сам себе страшен, — вот как! Все ему верят, — так хорошо он обманул сам себя. Но где-то в своем уголке, — в настоящей жизни, он — просто жалкое ничтожество, боится жены или даже кошки.

Нанизывая слово за словом на стержень гибкой мысли, он легко и весело создавал всегда что-то неожиданное, своеобразное.

Ладонь одной руки у него была пробита пулей, пальцы скрючены, — я спросил его: как это случилось?

— Экивок юношеского романтизма — ответил он. — Вы сами знаете, — человек, который не пробовал убить себя, — дешево стоит.

Он сел на диван вплоть ко мне и прекрасно рассказал о том, как однажды, будучи подростком, бросился под товарный поезд, но, к счастью, угодил вдоль рельс, и поезд промчался над ним, только оглушив его.

В рассказе было что-то неясное, недействительное, но он украсил его изумительно ярким описанием ощущений человека, над которым с железным грохотом двигаются тысячепудовые тяжести.

* Книга о Леониде Андрееве (отрывок). 1922 г.

Это было знакомо и мне, — мальчишкой лет десяти я ложился под балластный поезд, соперничая в смелости с товарищами, — один из них, сын стрелочника, делал это особенно хладнокровно. Забава эта почти безопасна, если топка локомотива достаточно высоко поднята и если поезд идет на подъем, а не под уклон, — тогда сцепления вагонов туго натянуты и не могут ударить вас или, зацепив, потащить по шпалам, несколько секунд переживаешь жуткое чувство, стараясь прильнуть к земле насколько возможно плотнее и едва побеждая напряжением всей воли страстное желание пошевелиться, поднять голову. Чувствуешь, что поток железа и дерева, проносясь над тобою, отрывает тебя от земли, хочет увлечь куда-то, а грохот и скрежет железа раздается как будто в костях у тебя. Потом, когда поезд пройдет, с минуту и более лежишь на земле, не в силах подняться, кажется, что ты плывешь вслед поезда, а тело твое как будто бесконечно вытягивается, растет, становится легким, воздушным и — вот сейчас полетишь над землей. Это очень приятно чувствовать.

— Что влекло нас к такой нелепой забаве? — спросил Л. Н.

Я сказал, что, может быть, мы испытывали силу нашей воли, противопоставляя механическому движению огромных масс сознательную неподвижность ничтожного нашего тела.

— Нет, — возразил он, — это слишком мудрено, не по-детски.

Напомнив ему, как дети «мнут зыбку» — качаются на упругом льду только что замерзшего пруда или затона реки, я сказал, что опасные забавы вообще нравятся детям.

Он помолчал, закурил папиросу и, тотчас бросив ее, посмотрел прищуренными глазами в темный угол комнаты.

— Нет, это, должно быть, не так. Почти все дети боятся темноты... Кто-то сказал: «Есть наслаждение в бою. И бездны мрачной на краю». Но — это «красное словцо», не больше. Я думаю как-то иначе, только не могу понять — как?

И вдруг востропелся весь, как бы обожжен внутренним огнем.

— Следует написать рассказ о человеке, который всю жизнь, — безумно страдая, — искал истину, и вот она явилась пред ним, но он закрыл глаза, заткнул уши и сказал: «Не хочу тебя, даже если ты прекрасна, потому что жизнь моя, муки мои — зажали в душе ненависть к тебе». Как вы думаете?

Мне эта тема не понравилась; он вздохнул, говоря:

— Да, сначала нужно ответить, где есть истина — в человеке или вне его? По-вашему — в человеке?

И засмеялся:

— Тогда это очень плохо, очень ничтожно...

*Дом Ганьшиных, где родился Леонид Андреев.
Вторая половина XX века. Из фондов ОГЛМТ*

*Леонид Андреев. Автопортрет по фотографии.
Из фондов ОГЛМТ*

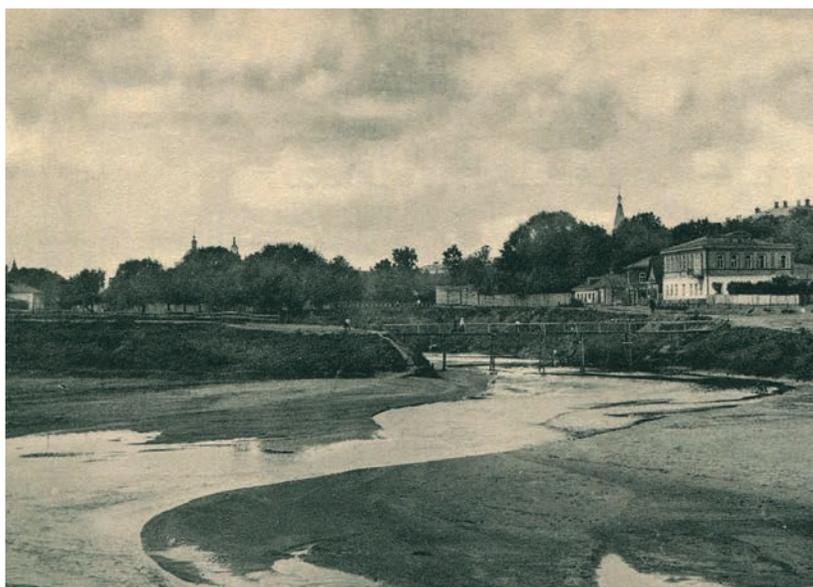
*Дом Н. И. Андреева,
отца Л. Н. Андреева.
Орел, Пушкарная улица.
Последняя треть
XIX века.
Из фондов ГМИРЛИ
им. В. И. Даля*

*Церковь Михаила Архангела,
где крестили Леонида Андреева.
Вторая половина XX века. Из фондов ОГЛМТ*

К 150-летию со дня рождения

*Устье реки Орлик при впадении в Оку. Начало XX века.
Из фондов ОГЛМТ*

ОРЕЛЬ — Болховская улица

В. Д. Кашкинъ, Орель

*Вид на Болховскую улицу в Орле. Начало XX века.
Из фондов ОГЛМТ*

*Дом Андреева в Орле. Художник Е. Великасова.
Из фондов Музея Леонида Андреева в Бутове*

*Интерьер дома Леонида Андреева в Орле.
Фото предоставлено Т. Полушиной*

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Портрет Леонида Андреева. Орел, конец 1880-х годов.
Из фондов ГМИРЛИ им. В. И. Даля

ДИПЛОМЪ

Предъявитель сего, Леонидъ Николаевичъ Андреевъ, въпросившій о предоставлении православному, снѣзъ личнаго почетнаго гражданина, по *всесла* *удовлетворительно* выдержаннн въ С.-Петербургскомъ Университетѣ, въ Маѣ мѣсцѣ 1892 года, и въ Московскомъ Университетѣ, въ Апрѣлѣ и въ Маѣ мѣсцяхъ 1894 года, полукурсоваго испитанія и по зачетѣ опредѣленнаго Уставомъ числа полугодій на Юридическомъ факультетѣ Московскаго Университета, подвергавшійся испитанію въ Юридической Испытательной Комисіи при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ, въ Апрѣлѣ и въ Маѣ мѣсцяхъ 1897 года, при чемъ оказалъ слѣдующіе успѣхи: по римскому праву *удовлетворительно*, по гражданскому праву *удовлетворительно*, по гражданскому процессу *удовлетворительно*, по уголовному праву *удовлетворительно*, по уголовному процессу *весьма удовлетворительно*, по торговому праву и процессу *весьма удовлетворительно*, по церковному праву *весьма удовлетворительно*, по международному праву *весьма удовлетворительно*, по полицейскому праву *весьма удовлетворительно*, по финансовому праву *весьма удовлетворительно*, по письменному отбыву изъ уголовного права *весьма удовлетворительно*.

Леонидъ

По сему и на основаніи ст. 81 Общаго Устава ИМПЕРАТОРСКИХЪ Россійскихъ Университетовъ 23 Августа 1884 года, г. Андреевъ, въ засѣданіи Юридической Испытательной Комисіи, 31-го Маѣ 1897 года, удостоенъ диплома второй степени, со всеми правами и преимуществами, поименованными въ ст. 92 Устава и въ V п. ВЫСОЧАЙШЕ утверждаемаго въ 23 день Августа 1884 г. мѣтвія Государственнаго Совета. Въ удостовѣреніе сего и данъ сей дипломъ г. Андрееву, за надлежащею подписью и съ приложеніемъ печати Управленія Московскаго Учебнаго Округа. Городъ Москва. *Сентября 3* дни 1897 года.

Почетникъ Московскаго Учебнаго Округа

[Signature]

Председатель Юридической
Испытательной Комисіи

[Signature]

Правитель Канцеляріи

[Signature]

Дипломъ Леонида Андреева. 1897 г.
Из фондов ОГЛМТ

Друзья Леонида Андреева по гимназии.
Конец 1880-х — начало 1890-х годов.
Из фондов ОГЛМТ

Портрет Леонида Андреева. Москва, 1896 г.
Из фондов ГМИРЛИ им. В. И. Даля

К 150-летию со дня рождения

23

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ: ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

Леонид Андреев*

«Милая моя маточка! Ты все думаешь, что это шутки, а я серьезнейшим образом говорю, что очень люблю твои письма и что ты — как бы это сказать? — чрезвычайно близка мне в письмах и по духу, и по уму. Конечно, твой почерк ужасен и твое правописание похоже на правосознание анархиста; и бесспорно, что твое глубокое презрение к знакам препинания превращает твои рукописи в сплошной маразм и катаклизму, от которых дух захватывает у читателя; и всем известно, что многие крепкие и здоровые люди бессильно рыдали над твоими письмами, отчаявшись найти начало и конец в этом сплошь вязанном чулке без пятки и носка — но все это пустяки. Это внешность. А по существу ты всегда пишешь толково, умно и тонко и каким-то образом ухитряешься в коротеньком письме рассказать чрезвычайно много.

И твое последнее письмо один из лучших образцов твоей литературы. Опять я, маточка, не шучу нисколько и говорю с величайшей нежностью к тебе, мой неизменный полувековой друг. Пятьдесят лет, знаешь, — это не мало, а мы с тобой почти пятьдесят лет вернейшие друзья, начиная с Пушкирной и кончая хладными финскими скалами. На твоих глазах я из Кота в сапогах и узляка превратился в российского писателя, пройдя через пьянство, нищету, страдания; на моих глазах ты из молоденькой женщины стала «бабушкой», также пройдя сквозь страдания, нищету и проч. И что бы ни было с нами, куда бы ни заносила нас судьба, высоко или низко — никогда мы не теряли с тобою самой близкой душевной связи. Приходили и уходили люди, а ты всегда со мною оставалась, все та же — верная, неизменная, единственная. Я знаю хорошие семьи, где существуют хорошие отношения между родителями и детьми, матерью и сыновьями, но таких отношений, как у нас с тобою, я по правде не встречал. И, конечно,

* Из письма Л. Андреева матери А. Н. Андреевой.

твои отношения с другими детьми иные, нежели со мною, хотя любишь ты их так же сильно. То для тебя только твои дети, а я кроме того твой друг и единомышленник. Обрати внимание на простой факт: когда я уезжаю, мы с тобой так много и часто переписываемся, как ни с кем ты не переписываешься из детей. Сравни, сколько у тебя писем моих и сколько Павла и даже Андрюши, хотя Андрюша чаще и дольше разлучался с тобою, нежели я.

И я всегда так много пишу тебе не потому, что обязан и выполняю скучную повинность, а потому, что мне самому и интересно и нужно тебе писать, — нужно для собственной души. Всегда я знаю и чувствую, что никто так не поймет, никто так не заинтересуется, никто с таким интересом и любовью не прочтет моих писаний, как ты, и никто так не почувствует шутки и не будет смеяться над моими «смешными» письмами, как ты, мой неизменный Рыжик. Конечно, я не все пишу тебе: иногда боюсь тебя обеспокоить и расстроить, в других случаях, когда дело касается философии и слишком сложных вопросов, естественно, избегаю слишком большого глубокомыслия. Очень часто даже вру тебе относительно моего здоровья и настроения, выставляя их лучшими, нежели они есть на самом деле, — но понимаешь: даже когда я вру тебе, я чувствую облегчение, знаю, что все равно и так чувствуешь и понимаешь.

А ты очень много чувствуешь и понимаешь, гораздо больше, чем предполагают другие. Вот из твоих последних слов о Павле и даже из твоего объяснения со мною в любви я вижу, что ты все прекрасно видишь и понимаешь. И мне это очень дорого и приятно, и оттого у нас с тобою такая навеки неизменная близость и дружба. И оттого, повторяю, мне так приятно писать тебе. Кстати, знаешь ли ты такой факт: у Чехова с его матерью были, как говорят, хорошие отношения, а вместе с тем из многих тысяч чеховских писем на долю матери приходится не более десятка самых коротеньких. У нас с тобою иное, верно?

Я не люблю и не умею писать чувствительное в письмах и оттого не стану говорить, как я тебя люблю и как меня взволновала и напугала твоя

болезнь. Ты сама это знаешь. Я сильнее других и, когда нужно, могу сдерживаться и иметь спокойный вид, и это иногда может обманывать других, кто меньше меня знает и чувствует. Но ты знаешь, и больше говорить об этом не буду. Мое несчастье в том, что за эту внешнюю сдержанность и спокойствие я долго потом расплачиваюсь всякими болями, телесными и душевными. Те, кто, не сдерживаясь, выражали себя словами, растерянностью, слезами и проч., уже успевают успокоиться и забыть, а я все помню.

Да, я очень внимателен, маточка, и если еще иногда забываю сделанное мне зло, то добра никогда не забываю. Разве, напр., я забуду когда-нибудь тех же Готье или 50 р., которые мне дал Нилус в минуту трудную, или чудесное ко мне отношение Добровых, или то, как в мои пьяные времена чудесно вели себя Павел и другие! Все помню. И если я помню такое, то уже никогда, ни наяву, ни во сне не могу я забыть того бесконечного добра, которое я видел от тебя — бесконечное добро и доброту. Ты так много сделала для меня в жизни, как едва ли какой человек может сделать другому. Здесь опять начинается чувствительное, и дальше я не стану говорить, но повторяю, и ты это запомни: сколько бы, по твоему мнению, я ни делал для тебя, я и одной тысячной не уплачу тебе, так и останусь твоим должником. У меня скверные нервы и легко раздражающиеся мозги, я бываю груб и криклив, но если я огорчаю тебя, то знай, что сам я от этого мучаюсь и стыжусь, как от величайшего свинства. Просто я недостаточно хороший человек, чтобы полностью отплатить тебе за все твое добро, и я это сознаю. Напр., сколько раз я заклинал себя, что никогда не буду кричать на тебя при игре в винт, а разнесешь ты не так, я уже ору, как ошпаренный!

Так-то, милая моя маточка. Теперь мое главное желание, чтобы ты, как можно меньше волнуясь и заботясь, поправлялась и здоровела. Знаю, что очень трудно быть спокойной, когда мы в разных местах, и трудно не волноваться, когда с двух сторон подпирают немцы и большевики, но тут уже воистину ничего не поделаешь. Времена такие ужасные, каких не только Россия, но весь мир давно не переживал...

*Леонид Андреев с матерью Анастасией Николаевной.
Начало XX века. Из фондов ОГЛМТ*

К 150-летию со дня рождения

27

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ: ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

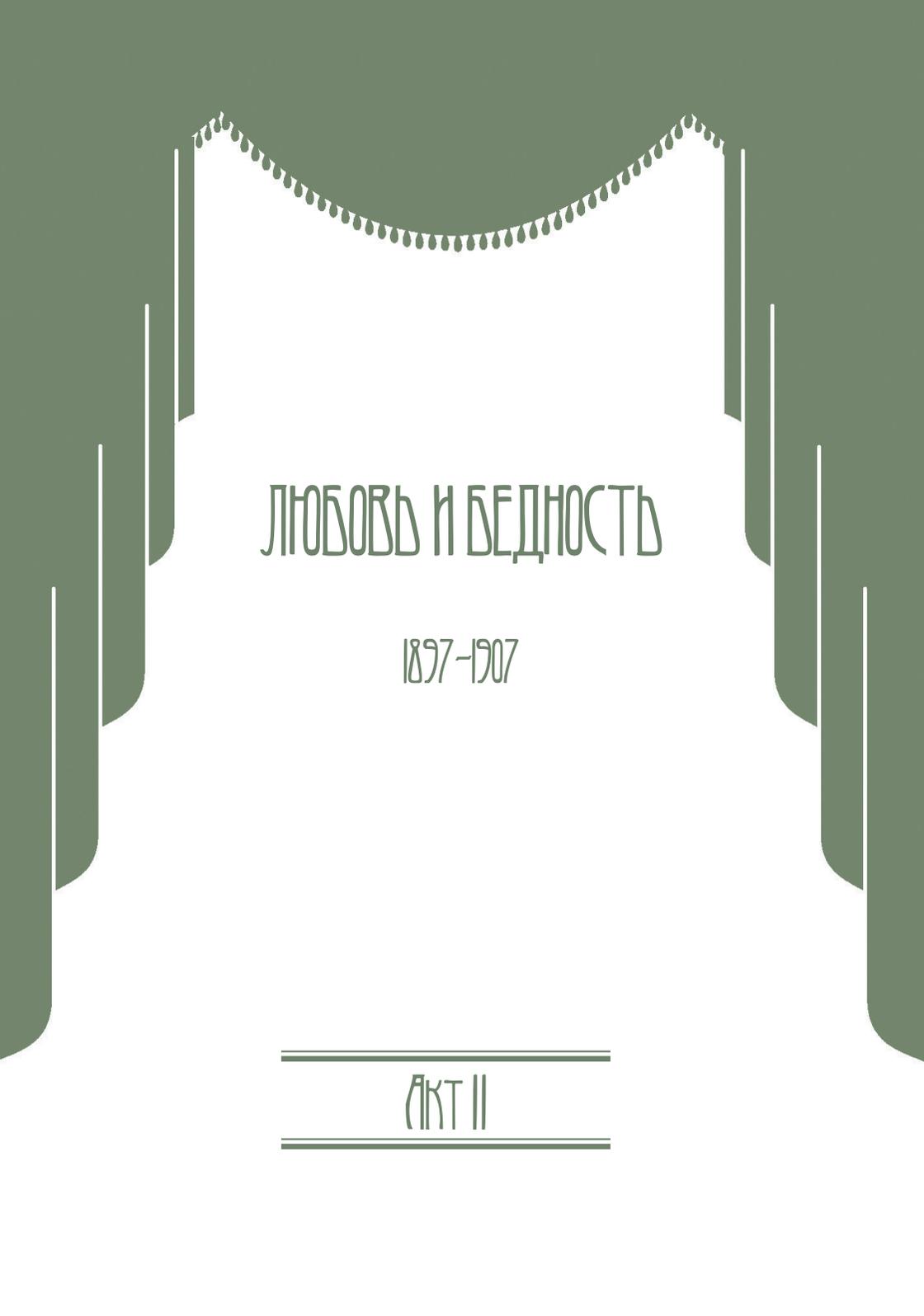

*Мать писателя Анастасия Николаевна.
Из фондов ОГЛМТ*

*Шкатулка для рукоделия,
принадлежавшая А. Н. Андреевой. Из фондов ОГЛМТ*

ЛЮБОВЬ И БЕДНОСТЬ

1897-1907

АКТ II

«Уважающий свое призвание литератор должен писать так, чтобы он мог уважать каждую строку, выходящую из-под его пера, подпишет ли он ее или нет, получит ли он за нее большой гонорар или маленький».

Леонид Андреев

«Не голод, не любовь, не честолюбие: мысль — человеческая мысль, в ее страданиях, радостях и борьбе, — вот, кто истинный герой современной жизни».

Л. Андреев. Письма о театре.

Борис Зайцев*

Кажется, в жизни Андреева (писательской, а может быть и личной) годы 1901–1906 были самыми полными, радостными, бодрыми. Все его существо летело тогда вперед; он полон был сил, писал рьяно; несмотря на самые мрачные «Бездны», на «Василия Фивейского» — полон был надежд, успехов, и безжалостная жизнь не надломилась еще его. Он только что женился на А. М. Виельгорской, нежной и тихой девушке. Светлая рука чувствовалась над ним. На его бурную, страстную натуру, очень некрепкую, это влияние ложилось умеряюще. Слава же росла, шли деньги; Андреевы жили шире; давно была оставлена квартирка на Владимир-Долгоруковской; но держались все этого же района — жили у сквера в Грузинах, потом в переулке поблизости, и только раз — на Пресне. Квартиры становились лучше; появлялся достаток. Часто люди бывали, чтения. В те времена процветал в Москве литературный кружок «Среда». По средам собирались у Н. Д. Телешова, у С. С. Голоушева и у Андреева. Бывали: Бунин Иван, Бунин Юлий, Вересаев, Белоусов, Тимковский, Разумовский и др. Из заезжих: Чехов, Горький, Короленко. Бывали и Бальмонт и Брюсов. Каждый раз что-нибудь читали. Много прочитал Андреев — думаю, всех больше. Он читал сдержанно, несколько однообразно, иногда поправляя густые волосы, свешивавшиеся на лоб; в левой руке папироса; иногда помахивал ею в такт, и из-под опущенного лба вдруг быстро взглядывал горячими своими глазами.

Меня, наверно, он гипнотизировал. Мне все нравилось, и безраздельно, в нем и его писании. В спорах о прочитанном я всегда был на его стороне. Впрочем, и вообще он имел тогда большой успех, очень всех возбуждал, хотя образ его писаний мало подходил ко складу слушателей. Но на «Среде» держались просто, дружественно; дух товарищеской благожелательности преобладал. И тогда даже, когда вещь корили, это делалось необходимо.

* Книга о Леониде Андрееве (отрывок). 1922 г.

Вообще же это были московские, приветливые и «добрые» вечера. Вечера не бурные по духовной напряженности, несколько провинциальные, но хорошие своим гуманитарным тоном, воздухом ясным, дружелюбным (иногда очень уж покойным). Входя, многие целовались; большинство было на ты (что особенно любил Андреев); давали друг другу прозвища, похлопывали по плечам, смеялись, острили, и в конце концов, по стародавнему обычаю Москвы, — обильно ужинали.

Можно сказать: Москва старинная, хлебосольная и благодущная. Можно сказать и так, что писателю молодому хотелось больше молодости, возбуждения и новизны; всецело он туда не укладывался. Все же свой, великорусский, мягкий и воспитывающий воздух среда «Среды» имела.

Знаю, что и Андреев любил ее. А судьба решила, чтобы из членов ее он ушел первый — один из самых младших.

Иногда я ходил к нему по утрам — это значит, о чем-нибудь хотелось говорить «умном»; как порядочный писатель русский, он вставал поздно; как москвич — бесконечно распивал чай, наливал на блюдечко, дул, пил со вкусом; к приходившему относился с великим дружелюбием. Может быть, и нехорошо были идти к человеку утром; может быть, и необязательно разговаривать так много; все же вспоминаешь с удовольствием об этих утренних русских разговорах где-нибудь на Пресне, при белом снеге с улицы, деревцах вдоль тротуаров, низком лете ворон с веток на крышу дома. Говорили о Боге, смерти, о литературе, революции, войне, о чем угодно. Куря, шагая из угла в угол, туша и зажигая новые папиросы, Андреев долго, с жаром ораторствовал. Говорил он неплохо. Но имел привычку злоупотреблять сравнениями и любил острить. Юмор его был какой-то странный: и была в нем эта жилка, и чего-то не хватало. И во всяком случае, в его писании юмор несвободен. Он не радуется.

В три Андреев обедал, а потом ложился спать, черта не европейская, как и во всем был он весьма далек от европейца. (Одевался в поддевку, а позднее

ходил в бархатной куртке. Среди «передовых» писателей была у нас тогда мода одеваться безобразно, дабы видом своим отрицать буржуазность). Проснувшись вечером, часов в восемь, опять пил крепкий чай, накуривался и садился на всю ночь писать. Тут он разогревался; голова накалялась, и легко, непроизвольно рождала образы страшные, иногда чудовищные. Писание было для него опьянением, очень сильным; в молодости, впрочем, он вообще пил; и, как рассказывал, наибольшая радость в том заключалась, что уходил мир обычный. Он погружался в бред, в мечты; и это лучше выходило, чем действительность. Студентом, после попойки, в целой компании друзей, таких же фантазмагористов, он уехал раз, без гроша денег, в Петербург; там прожили они, в таком же трансе, целую неделю; собирались даже чуть не вокруг света.

Неудивительно, что писания утреннего, трезвого, как и вообще дисциплины, он не выносил. Ночь, чай, папиросы — это осталось у него, кажется, на всю жизнь. Иногда он дописывался до галлюцинаций. Помню его рассказ, что когда он писал «Красный смех» и поворачивал голову к двери, там мелькало нечто, как бы уносящийся шлейф женского платья. Бредовое писание не было для него выдумкою или модой: такова вся его натура; был он человеком иррационального, как выразился бы Джемс — сублиминального, сознания. Его развязанное подсознание всегда стремилось в ночь, такого его характер; но устремление это было подлинное, и его не без основания ставили рядом с Эдгаром По, которого он знал, любил. На одном утреннем разговоре я спросил его:

— Для чего поэзия Эдгара По?

Он улыбнулся.

— Так Тимковский может спрашивать. Вы на Тимковского сейчас похожи.

Вопрос, конечно, был неправильно поставлен. Я не о жизненной пользе По спрашивал, а хотел себе уяснить, что значит его литература, что она выражает. Андреев это, конечно, понял; и через минуту сказал серьезно:

— Эдгар По говорит, что в мире есть Ночь. И это верно.

Андреев сам чувствовал Мировую Ночь, и ее выразил — писанием своим.

Но не надо думать, что эта Ночь им вполне владела. Я уже говорил, что был в Андрееве мягкий орловец, он любил теплый домашний быт, никогда в нем не умирала жилка московского студента легендарных времен; он любил русское, нашу природу, пруды и влажные, благоуханные вечера после дождя в Царицыне (под Москвою, где он жил летом), белые березы и поля Бутова; любил закаты с розовыми облаками; да и в писании его кое-где, напр. в «Жили-были», есть и свет, и цветущие яблони, и славный дьякон. Я вспоминаю о нем часто и охотно так: мы идем где-нибудь в белеющем березовом лесочке в Бутове. Май. Зелень нежна, пахуча. Бродят дачницы. Привязанная корова пасется у забора; закат алеет, и по желтой насыпи несется поезд, в белых или розовеющих клубках. С полей веет простором и приветом родной России. Мы же идем легко, быстро, и непременно говорим взволнованно, для нас — интересно. Вот он меня провожает на платформе — в своей широкополой, артистической шляпе, в какой-нибудь синей рубашке, с летящим галстуком, с возбужденными, черно-блистающими глазами. Это оживление и возбуждение так молодит! И так хороша молодость пылками разговорами, одушевлением, легкой влюбленностью. Поезд, зарей вечерней, летит в Москву; смотришь в окно, вновь переживаешь пережитое, бредут мечты, и дома, возвратясь, заснешь не сразу.

При мне Ночь, которую так чувствовал Андреев (и оттого на Бога восставал, много шумел) — эта Ночь впервые на него дохнула. В 1906 г. умерла его жена, от родов, в Берлине. Мы хоронили ее в Москве, в Новодевичьем, при жестокой стуже. Андреев же остался за границей. Из Германии попал на Капри. Жил там тяжело, бурно. Вот отрывок из его письма, 9 января 1907 г.: «Для меня жизнь так: несколько людей, которых я люблю, а за ними города, народы, поля, моря,

наконец, звезды, и все это чужое. И если бы все люди, немногие, кого я люблю, вдруг умерли бы, или забыли меня — я оглянулся бы и завыл бы от ужаса и одиночества». Далее говорит, что хорошо, если бы мы с женой приехали туда, и прибавляет вновь:

«Здорово я тут один, несмотря на... С вами бы я мог говорить о смерти Шуры, постараться понять ее».

Мне и пришлось встретиться с ним в Италии, в мае того же года; но говорить о том, о чем он писал, не случилось. Перебирая его письма, я наткнулся на открытку во Флоренцию: «Еду из Неаполя в Берлин безостановочно, так что во Флоренции можем увидаться только на минутку на вокзале... Пожалуйста, приходи с В. хоть на минутку!» Это «хоть на минутку!» и сейчас колет сердце: вот и не увидишь его больше, даже «на минутку!».

Мы с женой в светлый, жаркий флорентийский вечер вышли встретить его, принесли букет роз красных (ими полна благословенная Флоренция). В грохоте, с пылью, влетел на скромный вокзал международный *luхе*, из первого класса выскочил тот же Андреев, в широкополой шляпе, с летящим галстуком, в артистической бархатной куртке, как знал его я в Бутове, в Москве. Как и тогда, он ни слова не знал «по-заграничному»; в купе оказалась матушка его, — ни себе, ни ей за весь день он не мог достать «стакана чая». Матушка охала. Сам он задыхался от жары в бархате своем, но глаза его так же блестели, как и в былые годы. Он нюхал наши розы; говорили мы быстро, бестолково, ибо некогда было, и через несколько минут он махал нам букетом из окна поезда уходящего. На мгновение я его увидел, и снова забурился и загромыхал европейский экспресс, подымая за собою пыль, унося людей московско-орловских. А сейчас, вспоминая те семнадцать лет, что знал Андреева, я чувствую, что рядом с бесконечностью, нас разлучившею навеки, те года, куда легла чуть ли не вся его художническая жизнь, — не длинней краткой минутки на вокзале во Флоренции, в знойный, чудесный итальянский вечер.

С этого года Андреев переехал в Петербург. Может быть, тяжело ему было заводить в Москве прочную, оседлую жизнь. Его душевное настроение было бурно-мрачное, с какими-то срывами. Перегорало горе, разъедало, но натура живая, страстная гнала вперед. Он никак еще не знал, что сделать, как наладиться. «Опять с некоторого времени, — пишет он от 17 августа 1907 г., — день мой, каждый мой день и каждая ночь — до краев налиты тоской. Что делать, я не знаю, ибо убивать себя не хочу, в сумасшедший дом тоже не хочу, а жизнь не выходит, а тоска, поистине, невыносимая. И все о том же, о той же — Шуре, о ее смерти. Отпустила было не на долгое время, а теперь снова гвоздят одни и те же мысли и сны. Сны! Ужасная, брат, вещь, эти сны, — в которых она воскресает и всю ночь поит меня дикою радостью, а наутро уходит».

...Андреев с первого же приезда точно слился со Средой. Он, кажется, не пропустил ни одного собрания. Всю зиму он приходил к нам в своем «рыжем» пиджаке, был как усердным чтецом, так и внимательным слушателем, о себе был скромного мнения и заработка имел тоже чрезмерно скромные. В конце зимы, когда у Андреева набралось уже несколько рассказов, ему захотелось издать их отдельной книжкой. Но это было очень нелегко. Как автора, его знали только свои люди; до большой публики и даже до издательского уха его имя еще не долетело. Наконец, как-то ухитрились, познакомили его с одним очень крупным издателем, уговорили того взять эту небольшую книжечку. Из уважения к рекомендующим издатель взял, даже не читая: в большом корабле всегда найдется место для такого груза. Издатель выдал Андрееву гонорар — помнится, 500 рублей за всю книгу — и посолил ее в прок. Шли месяц за месяцем, а книжку и не думали сдавать в типографию: а Андреев все ждал, все надеялся: он придавал большое значение для себя появлению этой книги. И он был прав, как потом оказалось. Эта книга вывела его сразу на широкую дорогу.

Помню, одно время его начинало смущать его собственное имя: Андреев.

— Хочу взять себе псевдоним, — говорит он, — да никак не придумаю. Выходит или вычурно или глупо. Оттого и книжку мою издатель не печатает, что имя мое решительно ничего не выражает. «Андреев» — что такое Андреев?.. Даже запомнить нельзя. Совершенно безразличное имя, ничего не выражающее. «Л. Андреев» — вот так автор!

— Но ведь есть же писатель Никитин, — возражали ему. — Все его знают, ни с кем не смешивают. Почему не быть теперь писателю Андрееву?

Эти поиски псевдонима кончились тем, что решено было поставить на книге не «Л. Андреев», а «Леонид Андреев». Это казалось ему менее безличным.

* Книга о Леониде Андрееве (отрывок). 1922 г.

Пока книжка его спокойно лежала у издателя, дожидаясь неведомо какой очереди или особо счастливого случая, в Петербурге возникло новое издательство — «Знание», во главе с Горьким и Пятницким. Конечно, рассказы Андреева оказались здесь очень желательными. Нужно было только расторгнуть первый договор. И опять пошли к издателю те же лица хлопотать о том, чтоб выручить обратно залежавшуюся книжку. К общему удовольствию, издатель сам был рад, что не нужно будет печатать какого-то Андреева, тратить на него бумагу и хлопоты. В минуту разменялись договорами, отдали назад 600 рублей, получили рукопись и — прямым ходом на почту и в Петербург в типографию.

Всякий молодой писатель, в первый раз в жизни печатающий свою книгу, знает, что это за наслаждение получать свежие корректурные листы из типографии, пахнущие скипидаром и краской. Нет на свете лучшего аромата, нет на свете никого в эту минуту счастливее автора. Переживал эту радость и Леонид Николаевич, и пока печаталась его книга, он не выкладывал из кармана новые оттиснутые листы, так и носил их с собою и в гости, и в театр, и на улицу.

Вспоминается мне попутно следующий эпизод. В ту осень, когда печаталась книга, ждали в Москву Горького. Он должен был ехать из Нижнего Новгорода в Ялту. И вот однажды мы узнаем, что семья Горького приехала сюда, а сам Алексей Максимович арестован. На товарной станции, не доходя до Москвы, отцепили вагон с Нижегородского поезда, поставили на курские рельсы и под надзором жандарма отправили в Подольск. Почему, зачем, надолго ли, — никто ничего не знал. Надо было повидаться; если можно — выручить; во всяком случае выяснить дело. Андреев, Бунин и я решили с первым же поездом ехать в Подольск; на вокзале к нам присоединился Пятницкий и переводчик Горького на немецкий язык — Шольц. Он нарочно приехал из Берлина, чтоб познакомиться лично с Алексеем Максимовичем и своими глазами увидеть, как живут в России знаменитые писатели... И увидел!..

Сюда же, на свидание с Горьким, приехал и Шалапин. Здесь, на платформе Подольска, все мы

познакомились с ним, а через неделю он стал уже членом Среды. Шольц заинтересовался Андреевым, много говорил с ним о его рассказах, о будущих планах и просил выслать ему в Берлин книгу, как только она выйдет, для перевода на немецкий язык. Часа три провели мы в Подольске в очень оригинальных общественных условиях, от которых непривычный немец то краснел, то бледнел; наконец, нас всех переписали и под конвоем жандармов вывели из комнаты на платформу. Горького со скорым поездом отправили в Севастополь, а нас обратно в Москву. Впоследствии мы получили номер берлинской газеты, где Шольц подробно описывал нашу поездку в Подольск и свою попытку увидеть, как живут на Руси братья-писатели... Об Андрееве он отзывался восторженно.

Книжка Андреева, наконец, вышла. В ней было всего десять рассказов, и стоила она 80 копеек. Большие надежды возлагал на нее Леонид Николаевич. Но того, что случилось, он не ожидал. Прежде всего он получил большое, очень хорошее письмо от Н. К. Михайловского, где тот приветствовал молодого автора, пророчил ему будущность и обещал написать о нем серьезную статью. Вскоре хвалебная статья появилась в «Русском Богатстве» за полной подписью Михайловского, и этого было достаточно, чтобы литературный мир считался с появлением нового крупного дарования. Имя Леонида Андреева стало сразу известным. Все журналы и газеты заговорили о нем. Книга его, что называется — «полетела». Потребовалось новое издание, которое вскоре и вышло, пополненное новыми рассказами, и в их числе «Бездной». Благодаря этой «Бездне» вокруг имени Андреева поднялся шум, визг, улюлюканье.

Статьи «Нового Времени» и Софьи Андреевны Толстой, громившие молодого писателя, только подливали масла в огонь, и об Андрееве и о «Бездне» заговорили все — кто за, кто против. Сам же Леонид Николаевич, улыбаясь, любил повторять среди приятелей пущенный кем-то каламбур:

Будьте любезны:

Не читайте «Бездны».

Леонид Андреев
и Иван Бунин.
Москва, 1902 г.
Из фондов ГМИРЛИ
им. В. И. Даля

Л. Н. Андреев
в окружении пациентов
клиники. 1901 г.
Из фондов ГМИРЛИ
им. В. И. Даля

*Леонид Андреев
и Максим Горький.
Из фондов ОГЛМТ*

Леонид Андреев. Из фондов ОГЛМТ

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

*Леонид Андреев. Царицыно, конец 1890-х.
Из фондов ГМИРЛИ им. В.И. Даля*

*Леонид Андреев.
Царицыно,
конец 1890-х —
начало 1900-х.
Из фондов ГМИРЛИ
им. В. И. Даля*

*Леонид Андреев.
Из фондов ОГЛМТ*

*Групповой портрет в кругу друзей и знакомых.
Л. Н. Андреев (анфас) сидит второй справа.
Из фондов ГМИРЛИ им. В. И. Даля*

*И. Е. Репин, В. В. Стасов, Л. Н. Андреев, М. Горький, И. Р. Тарханов,
Л. Н. Яковлева, А. М. Андреева (урожденная Велигорская),
М. Ф. Андреева, Е. П. Тарханова-Антокольская, А. Н. Шабанова,
Н. Б. Нордман-Северова. Финляндия, Куоккала, в парке усадьбы
И. Е. Репина «Пенаты». 1905 г.
Из фондов ГМИРЛИ им. В. И. Даля*

*Портрет Леонида
Андреева. 1900-е гг.
Из фондов ГМИРЛИ
им. В. И. Даля*

Портрет Леонида
Андреева
с автографом
сестре Римме.
Из фондов ОГЛМТ

Члены литературно-художественного кружка «Среда».
Портрет групповой. Сидят (слева направо): Л. Н. Андреев,
Ф. И. Шаляпин, И. А. Бунин, Н. Д. Телешов, Е. Н. Чириков.
Стоят: М. Горький, Скиталец (С. Г. Петров).
Москва, 1902 г. Из фондов ГМИРЛИ им. В. И. Даля

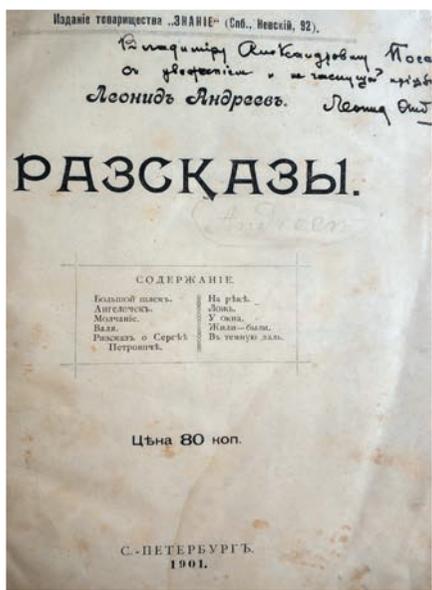

Члены литературно-художественного кружка «Среда» с женами. Портрет групповой. Сидят (слева направо): С. С. Голоушев, В. Н. Бунина, Л. Н. Андреев, И. А. Бунин, И. П. Белоусова, И. А. Белоусов. Стоят (слева направо): Ю. А. Бунин, В. А. Зайцева, А. М. Грузинская, А. Е. Грузинский, Н. Д. Телешов, А. И. Андреева, Е. А. Телешова, А. С. Разумовская, С. Д. Разумовский, Б. К. Зайцев. 1910 г. Из фондов ГМИРЛИ им. В. И. Даля

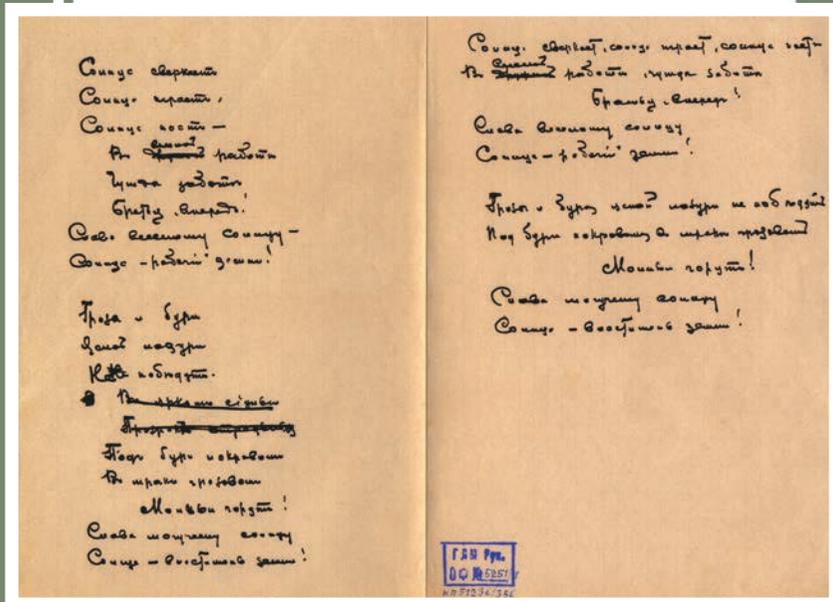
Портрет
Леонида Андреева.
Санкт-Петербург,
1909 г.
Из фондов ОГЛМТ

Первая книга писателя с автографом редактору В. А. Пассе. 1901 г.

Из фондов Музея Леонида Андреева в Бутове

Стихотворение Леонида Андреева «Солнце сверкает, солнце играет» [1902–1905].
Из фондов ГМИРЛИ им. В. И. Даля

К 150-летию со дня рождения

Леонид Андреев*

«Пустынею и кабаком была моя жизнь, и был я одинок, и в самом себе не имел я друга. Были дни, светлые и пустые, как чужой праздник, и были ночи, темные, жуткие, и по ночам я думал о жизни и смерти, и боялся жизни и смерти, и не знал, чего больше хотел — жизни или смерти. Безгранично велик был мир, и я был один — большое тоскующее сердце, мутящийся ум и злая, бессильная воля.

И приходили ко мне призраки. Бесшумно вползала и уползала черная змея, среди белых стен качала головой и дразнила жалом; нелепые, чудовищные рожи, страшные и смешные, склонялись над моим изголовьем, беззвучно смеялись чему-то и тянулись ко мне губами, большими, красными, как кровь. А людей не было; они спали и не приходили, и темная ночь неподвижно стояла надо мною. И я сжимался от ужаса жизни, одинокий среди ночи и людей, и в самом себе не имея друга. Печальна была моя жизнь, и страшно мне было жить.

Я всегда любил солнце, но свет его страшен для одиноких, как свет фонаря над бездною. Чем ярче фонарь, тем глубже пропасть, и ужасно было мое одиночество перед ярким солнцем. И не давало оно мне радости — это любимое мною и беспощадное солнце.

Уже близка была моя смерть. И я знаю, знаю всем дрожащим от воспоминаний телом, что та рука, которая водит сейчас пером, была бы в могиле — если бы не пришла твоя любовь, которой я так долго ждал, о которой так много, много мечтал и так горько плакал в своем безысходном одиночестве.

Бессилен и нищ мой язык. Я знаю много слов, какими говорят о горе, страхе и одиночестве, но еще не научился я говорить языком великой любви и великого счастья. Ничтожны и жалки все в мире слова перед тем неизмеримо великим, радостным и человеческим, что разбудила

* Андреев Л. Н. Посвящение Александре Михайловне Велигорской. 1902 г.

в моем сердце твоя чистая любовь, жалеющий и любящий голос из иного светлого мира, куда вечно стремилась его душа, — и разве он погибает теперь? Разве не распахнуты настезь двери его темницы, где томилось его сердце, истерзанное и поруганное, опозоренное людьми и им самим? Разве не друг я теперь самому себе? Разве я одинок? И разве не радостью светит теперь для меня то солнце, которое раньше только жгло меня?

Жемчужинка моя. Ты часто видела мои слезы — слезы любви, благодарности и счастья, и что могут прибавить к ним бедные и мертвые слова?

Ты одна из всех людей знаешь мое сердце, ты одна заглянула в глубину его — и когда люди сомневались и сомневался я сам, ты поверила в меня. Чистая помыслами, ясная неиспорченной душой, ты жизнь и веру вдохнула в меня, моя стыдливая, гордая девочка, и нет у меня горя, когда твоя милая рука касается моей глупой головы фантазера. Жизнь впереди, и жизнь страшная и непонятная вещь. Быть может, ее неумолимая и грозная сила раздавит нас и наше счастье — но, и умирая, я скажу одно: я видел счастье, я видел человека, я жил!

Сегодня день твоего рождения — и я дарю тебе единственное мое богатство — эту книжку. Прими ее со всем моим страданием и тоскою, что заключены в ней, прими мою душу. Без тебя не было бы лучших в книге рассказов — разве ты не та девушка, которая приходила ко мне в клинику и давала мне силы на работу?

Родная моя и единая на всю жизнь! Целую твою ручку с безграничной любовью и уважением, как невесте и сестре, и крепко жму ее, как товарищу и другу.

Твой навсегда Леонид Андреев. 4 февраля 1902 г.

«В посмертном издании моих сочинений это должно быть напечатано при первом томе. 28 ноября 1916 г. Леонид Андреев».

Леонид Андреев и Александра Михайловна Андреева*

6 мая Д. совершил первое железнодорожное путешествие на дачу, на станцию Бутово по М-К жел. дороге. Лето было жаркое и сухое, дача была большая, удобная, после первых дней нездоровья (живот) Д. наслаждался вовсю. Здесь кругозор его, видимо, начал расширяться: он с удовольствием шел от дому, а возвращался к дому с неудовольствием, горячо полюбил велосипед и выражал на лице жалость, когда его видел; с симпатией относился к лошадям, много смеялся и жестикулировал. Обычное летнее времяпрепровождение Д. заключалось в следующем: в углу террасы настилалось сено, покрывалось простыней и отгораживалось подушками. Там он восседал в прозрачной коротенькой рубашонке, тянулся за соломинкой и аккуратно каждый раз кувыркался. Так было и в июле, когда отец Димискина писал по утрам «Жизнь Василия Фивейского» и после каждых трех-четырех фраз бежал его целовать.

---

* Л. Н. и А. М. Андреевы. Дневник Димискина (отрывок). 1903 г.

*Александра Михайловна
(крайняя справа)
с родственниками
Л. Андреева.
Бутово, 1903 г.
Из фондов ОГЛМТ*

*Александра Андреева и Леонид Андреев. Бутово, 1903 г.
Из фондов ОГЛМТ*

*Александра Михайловна на берегу пруда. Бутово, 1903 г
Из фондов ОГЛМТ*

*Александра Михайловна
Андреева. Бутово, 1903 г.
Из фондов ОГЛМТ*

*Александра
Михайловна
на прогулке.
Из фондов ОГЛМТ*

Шурочка на мосту. Бутово, 1903 г. Из фондов ОГЛМТ

*Родственники Леонида Андреева, крайняя справа —
Александра Михайловна. Бутово, 1903 г.
Из фондов ОГЛМТ*

*Чайное платье.
1910-е гг., США.
Из частного собрания*

*Леонид Андреев и Александра Андреева
в свадебной поездке.
Из фондов ОГЛИМТ*

К 150-летию со дня рождения

*Александра Михайловна с сыном Вадимом. Бутово, 1903 г.
Из фондов ОГЛМТ*

*Вадим Андреев.
Москва, 1910 г.
Из фондов ГМИРЛИ
им. В. И. Даля*

*А. Н. Андреева
(мать писателя)
с внуком Вадимом
в Бутове. 1903 г.
Из фондов ГМИРЛИ
им. В. И. Даля*

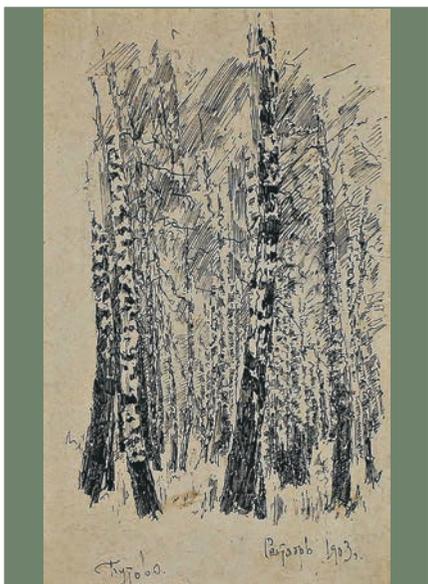

*Александра Михайловна Андреева с сыном Вадимом.
Из фондов ОГЛИМТ*

*Леонид Андреев с женой Александрой Михайловной
и их сыном Вадимом. Около 1906 г.
Из фондов ГМИРПИ им. В. И. Даля*

Графика.
Бутово, 1903 г.
Из фондов ОГЛМТ

Березовая аллея. Бутово, 1903 г. Из фондов ОГЛМТ

*Зинаида Тройнова (сестра писателя)
с ребенком на руках. Бутово, 1903 г.
Из фондов ОГЛМТ*

*Павел Андреев,
брат писателя.
Бутово, 1903 г.
Из фондов ОГЛМТ*

*Елизавета
Михайловна Доброва
(сестра жены писателя).
Бутово, 1903 г.
Из фондов ОГЛМТ*

Дача в усадьбе Бутово. 1903 г. Из фондов ОГЛМТ

*Леонид Андреев с братом Павлом.
Из фондов ОГЛМТ*

*Леонид Андреев
с сыном Вадимом.
1904–1906 гг.
Из фондов ГМИРЛИ
им. В. И. Даля*

Леонид Андреев
с сыном.
Конец 1900-х —
начало 1910-х.
Из фондов ГМИРЛИ
им. В. И. Даля

Семья Л. Н. Андреева за чайным столом на террасе
дома. Бутovo, 1903 г. Из фондов ОГЛМТ

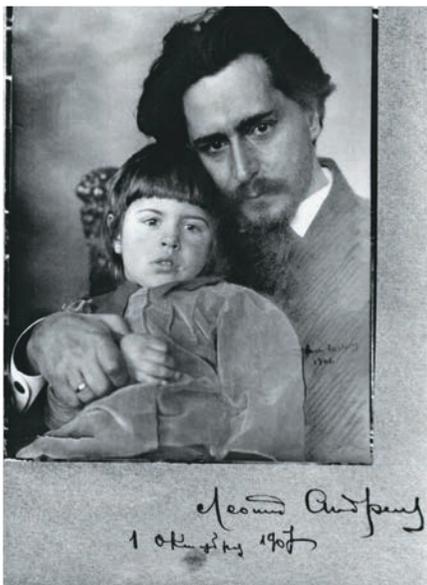

*Леонид Андреев за чайным столом. Бутово, 1903 г.
Из фондов ОГЛМТ*

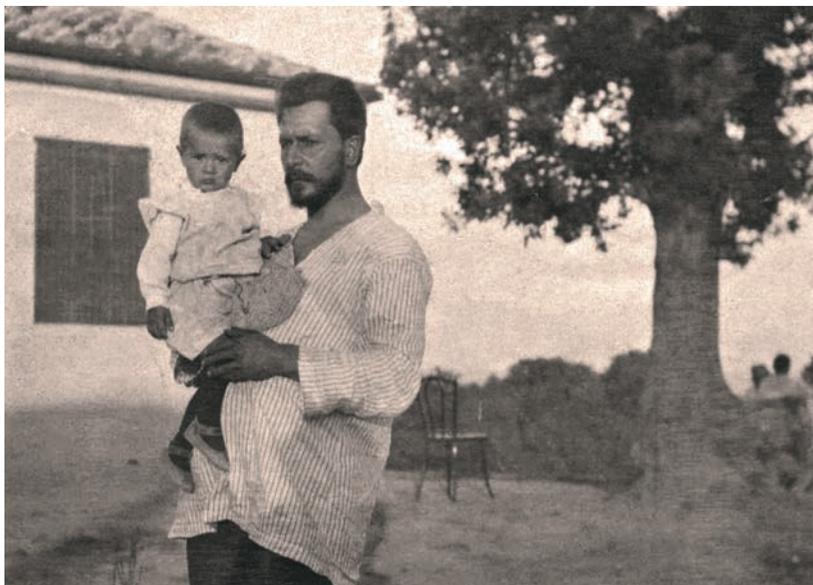

*Римма Николаевна
Андреева.
Бутово, 1903 г.
Из фондов ОГЛМТ*

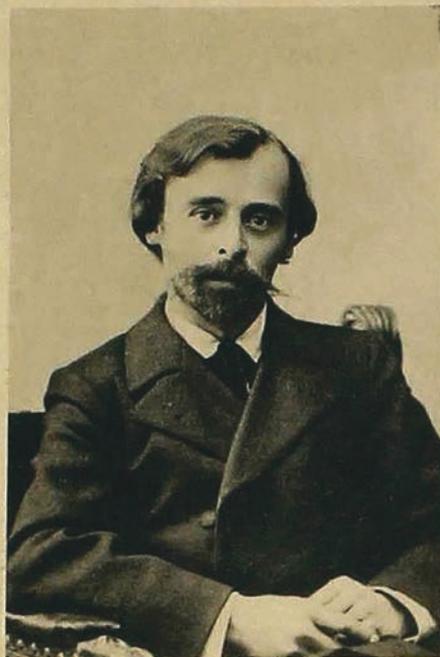

Леонид Андреев
с сыном Вадимом.
1906 г.
Из фондов ГМИРЛИ
им. В. И. Даля

Л. Н. Андреев с сыном Вадимом. Ялта, 1904 г.
Из фондов ГМИРЛИ им. В. И. Даля

И. А. Белоусовъ.

Посвященъ доктору Л. Н. Андрееву.

Мирно твоя, вѣлика Стали или осилитъ порою-
Снова я слышу в. твою, Скорной, некойто, аиря
По дулю она ситъ в. твою, Кланка + Та кот шить,
Мирно, ее в. твою, Какъ итъ шилла, вестю?!

Май. 1902 г.

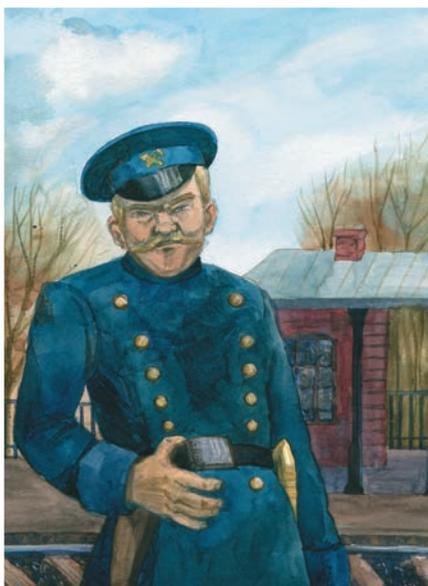
И. Белоусовъ

Портрет И. А. Белоусова
с посвящением Леониду Андрееву. 1902 г.
Из фондов ОГЛМТ

*Иллюстрация
к повести «Жизнь
Василия Фивейского».
Художник
А. Кривогина.
Из фондов Музея
Леонида Андреева
в Бутове*

*Иллюстрация
к рассказу «На станции».
Художник А. Кривогина.
Из фондов Музея
Леонида Андреева
в Бутове*

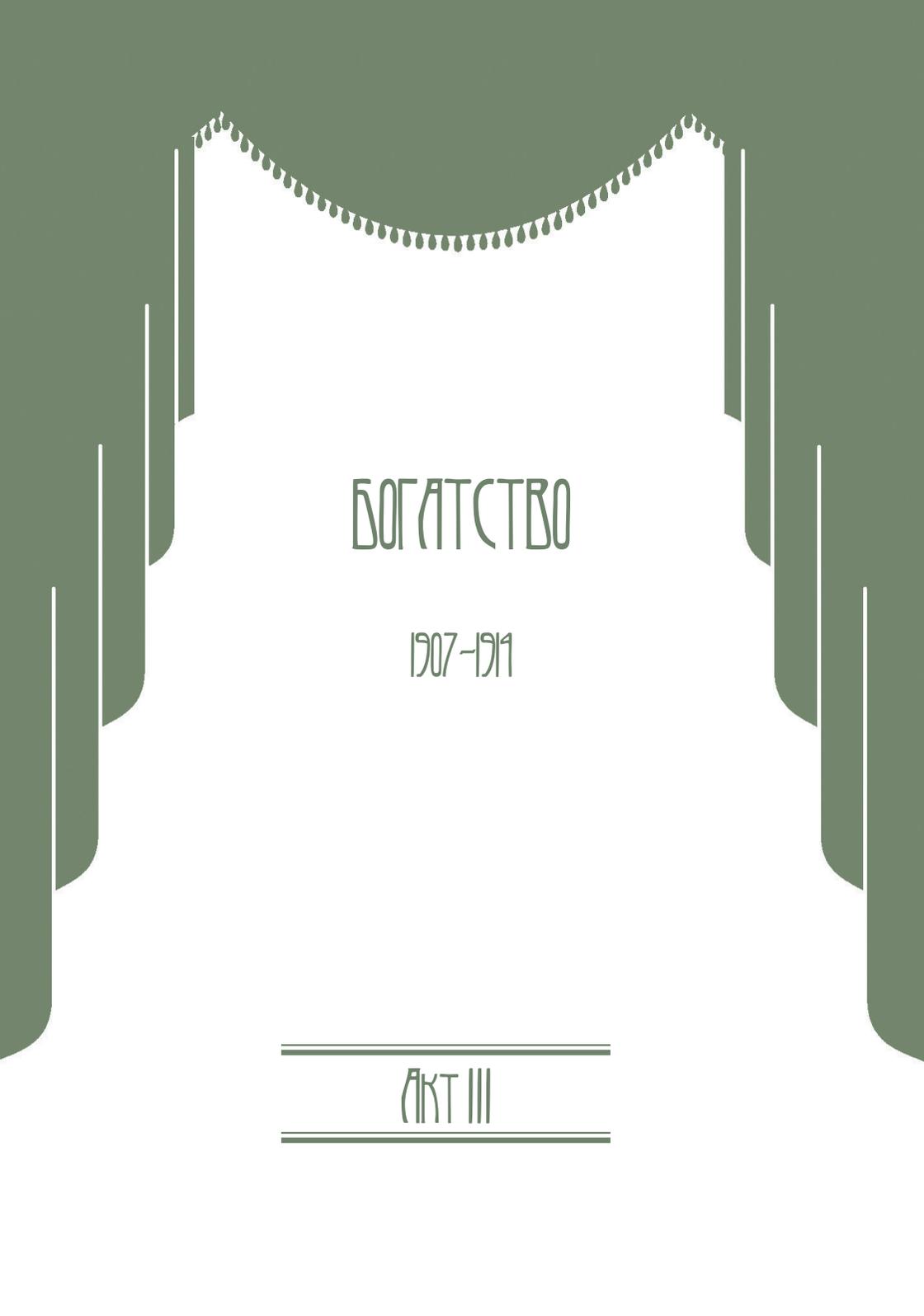

Стереоскоп Леонида Андреева. Из фондов ОГЛМТ

*Открытка
с дарственной надписью
Н. М. Пузикову.
Из фондов Музея
Леонида Андреева
в Бутове*

БОГАТСТВО

1907-1911

ART III

«Ты знаешь мое давнишнее мечтание — уйти из города совсем. И вот я ухожу из него — в глушь, в одиночество, в снега. <...> Накопилось во мне много, и я уже чувствую, как оттуда, из тишины той, я буду бросать в мир какие-то слова — большие — сильные! А эта канитель, что зовется жизнью в городе, на людях, выматывает у меня душу совершенно зря. Как много будет книг, какая тишина!»

Л. Андреев. Из письма М. Горькому

Леонид Андреев*

Любопытно, что почти все лучшие мои вещи я писал в пору наибольшей личной неурядицы, в периоды самых тяжелых душевных переживаний.

Так, «Иуда Искариот» написан на Капри, через три-четыре месяца после смерти Шуры, когда моя мысль вся была поработана образом ее болезни и смерти. Трудно передать всю степень насилия, которое я употребил над собою. Уже сидя за работою, я не мог на минуту отлучиться от стола, встать за папирсой; отойдя, я немедленно забывал, что я занят и пишу, долго ходил и думал о Шуре, пока случайно с удивлением не натыкался на стол. Написав фразу, я забывал о ней, и после каждой точки мне надо было перечитывать предыдущее, чтобы опять тотчас же забыть. Так, почти бессмысленно, я исписал около сорока страниц, которые и уничтожил; но за это время все же создалась некоторая привычка, которая позволила дальнейшую работу вести более нормально — но опять-таки при полном отсутствии мысли.

Большой, ошалелый после пьянства, не думая, писал я «Семь повешенных». Вдобавок, самая тема была так тяжела, что я во все время, что не за столом, старался даже не вспоминать о рассказе; больше того, в наиболее тяжелых местах я даже во время процесса писания — как это ни странно — старался развлекать себя посторонними мыслями. Один вечер я почти сплошь проплакал и написал всего три или четыре строки.

Но самое удивительное — это осень 1908 года, когда я переживал ту страшную историю с А[нной]. Несомненно, что в отношении личных переживаний я в те месяцы был в состоянии психоза, тяжело-го полусумасшествия; и все мои мысли были отданы Анне, новым неожиданным фактам и открытиям, болезненному сыску. Желание узнать всю правду было моей идее фиксе; орудием была исключительно

* Андреев Л. Н. Дневник (отрывок). 1915 г.

логика — иными словами, напряженнейшая работа мысли в одном этом направлении.

И в это самое время с необыкновенной легкостью и быстротой (у меня еще болели руки и я диктовал) были написаны: «Мои записки», причем несколько раз работа прерывалась открытиями-неожиданностями правды и состояниями, близкими к убийству и сумасшествию; потом — «Дни нашей жизни», «Черные Маски», «Сын Человеческий» и «Анатэма».

И все это было сплошной импровизацией, причем некоторые темы, как например «Черных Масок», были совершенно новы, другие же только раньше слегка продуманы, без деталей и даже без плана.

Помимо этого, много и других случаев, когда нездоровье, мешающее думать, или домашние неприятности и страдания, болезни детей, столкновения с людьми — повышали качество работы. И наоборот: выпавшись, уравновешенный, при хорошем здоровье и домашнем благополучии я писал хуже.

Вывод отсюда: моя мысль — враг моей работе. Надобно, чтобы я мыслил о чем-то другом, и тогда интуиция освобождается и смело творит свое, не опираясь на рацию и не преследуемая им. Надобно еще, чтобы я совсем не мыслил во время работы о себе как о писателе — и внутренне, и внешне, и в смысле моих качеств и желаний, и в смысле успеха, внешних последствий.

Иными словами: я пишу хорошо, когда моя личная жизнь так мучительна, что мне страшно о себе думать и страшно думать вообще.

Как художника я определяю себя так: где-то посередине между гением и талантом; и талант губит мой гений, а гений не дает таланту выкристаллизоваться в свою тесную, но строгую форму. И когда я пишу не думая, оживает гений; когда же думаю, получается средняя талантливость. И чем я осторожнее, трусливее, чем я «вдумчивее», тем хуже.

В обычной разговорной жизни я талантлив. Но видевшие часто меня пьяным уверяют, что иногда пьяный я бывал гениален. Я допускаю это. И если бы я мог пить, не теряя сознания и не превраща-

ьясь большею частью в скота, и если бы алкоголь не действовал так непосредственно губительно на физику, на сердце, — мне конечно следовало бы пить для работы.

Да, это и есть «частичная» гениальность: отсутствие равновесия между гениальной интуицией и просто талантливой и неглубокой мыслью.

Какова ценность частичной гениальности? Трудно сказать, но, вероятно, невысока. Могут быть одинаково бессмертными как гений, так и строго выдержанный талант, оба чистые представители каждый своей породы. Но помеси не живучи, их не любят, от них сторонятся, они всем чужие.

И уже сейчас это заметно. Средний читатель, любя мое талантливое, еще сильнее отталкивается от меня моим гениальным, которое для него непонятно и звучит оскорбительной надменностью. Большой читатель поражается моим гениальным, но, тут же, наталкиваясь на простой талант, вспыскивает презрением и гневом, гонит меня прочь из души. Договорившись с извозчиком за полтинник, я даю ему четвертак и прошу сдачи с миллиона; отдавая в банк миллион, я недодаю трешницы, и меня считают жуликом и извозчик, и банк.

На меня дурно действует брань, я пишу от нее хуже. От брани моя мысль настораживается, робеет, давит интуицию, задает ей ненужные вопросы, сбивает с дороги пустыми и ненужными соображениями. При похвале, наоборот, моя мысль успокаивается, уходит, забывает мешать.

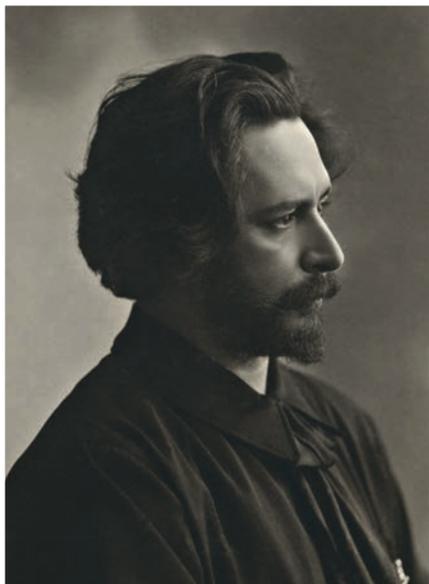
Та травля, которой в течение 7–8 лет подвергают меня в России, чрезвычайно понизила качества моего труда, некоторые мои обратила в чересполосицу гениального и талантливого с сильным преобладанием последнего. То же сделал и театр, который быстро роднится со всяким талантом и принимает к себе только изжитого, узнанного давно, привычного гения; своими требованиями, директорами, публикой, актерами театр принизил мое творчество и продолжает принижать, требуя от меня все больше талантливого и ненавидя мое гениальное.

Кто знает меня из критиков? Кажется, никто. Любит? Тоже никто. Но некоторые читатели

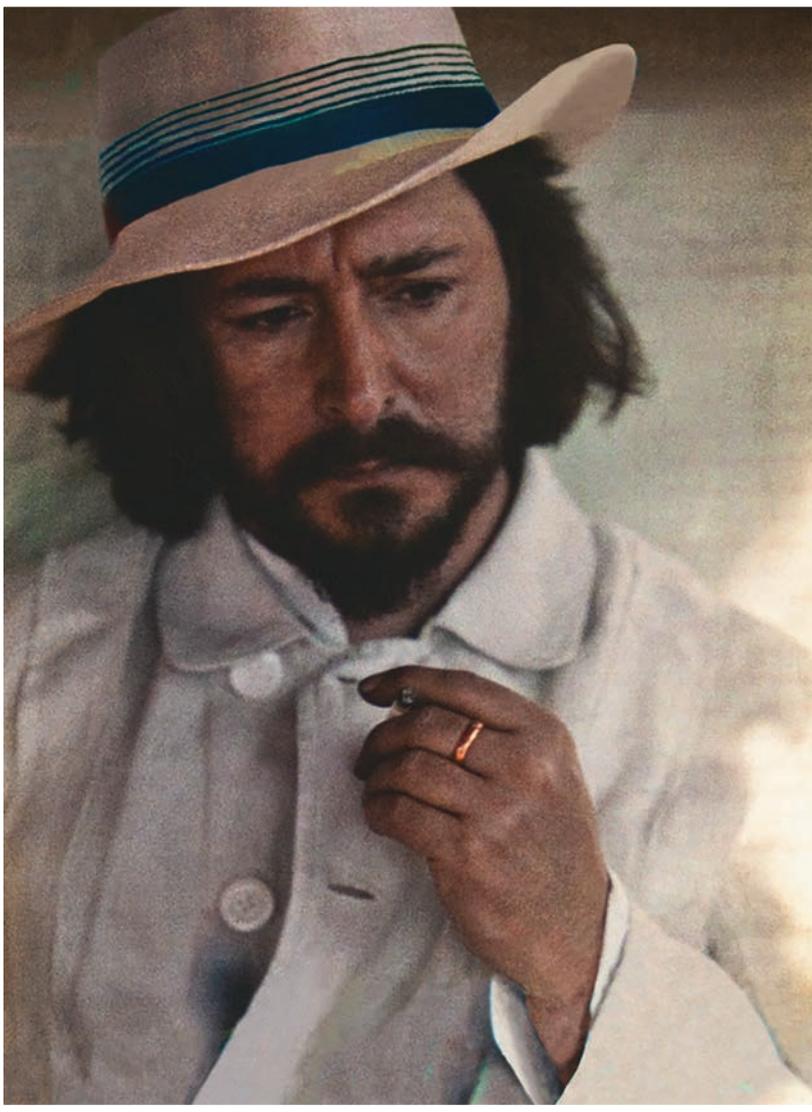

любят — если и не знают. Кто они? Либо больные, либо самоубийцы, либо близкие к смерти, либо помешанные. Люди, в которых перемешалось гениальное и бездарное, жизнь и смерть, здоровье и болезнь, — такая же помесь, как и я. В каком бы то ни было смысле цельный человек ненавидит меня-писателя или боится. Может быть, и потому, что знает мою ненависть и страх перед его цельностью, хотя бы это была цельность Гете или Пушкина... или Брешко-Брешковского.

Может быть, оттого мне и античные мраморы в Риме понравились больше иного, что у них отбита голова или полтуловища. Как мой дедушка из гениальных «Записок», я готов прибавить: это шутка!

*Леонид Андреев.
Санкт-Петербург,
около 1909 г.
Из фондов ГМИРЛИ
им. В. И. Даля*

Леонид Андреев. Из фондов ОГЛМТ

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

75

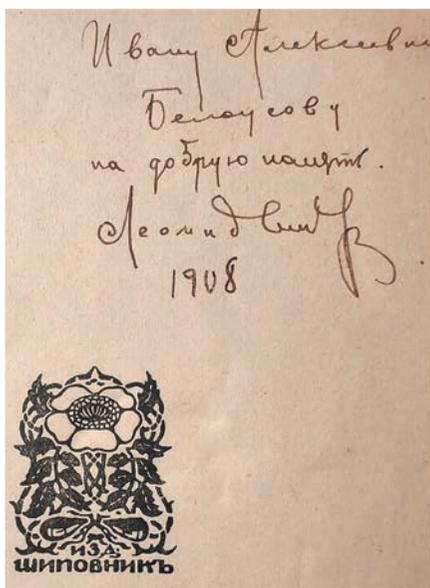
ЛЕОНИД АНДРЕЕВ: ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

Милостивому
Пятницкому.
Прому Вас, воздать
миль авачи
16 Декабря 1909г
Леонид
Андреев

Письмо редактору
издательства «Знание» К. П. Пятницкому.
Из фондов Музея Леонида Андреева в Бутове

Автограф И. Белоусову
в книге «Царь Голод».
Из фондов Музея
Леонида Андреева
в Бутове

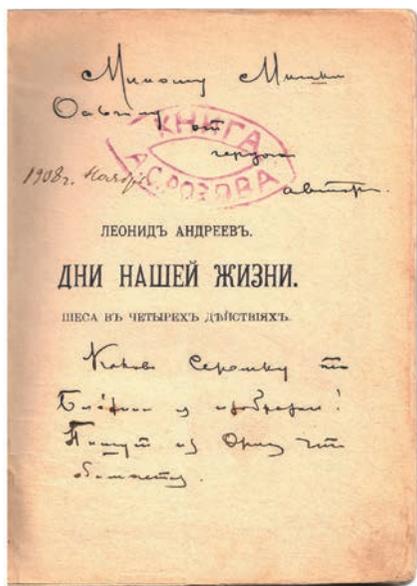

Леонид Андреев на вилле «Аванс». Финляндия, 1910 г.
Из фондов ГМИРЛИ им. В. И. Дала

Сцена из спектакля «Дни нашей жизни» по одноименной пьесе Леонида Андреева.
Из фондов Музея Леонида Андреева в Бутове

Пьеса
Леонида Андреева
«Дни нашей жизни»
с автографом автора
Михаилу Ольгину.
Издательство
«Знание», 1908 г.
Из фондов ГМИРЛИ
им. В. И. Даля

Корней Чуковский*

Он любил огромное.

В огромном кабинете, на огромном письменном столе стояла у него огромная чернильница. Но в чернильнице не было чернил. Напрасно вы совали туда огромное перо. Чернила высохли.

— Уже три месяца ничего не пишу, — говорил Леонид Андреев. — Кроме «Рулевого», ничего не читаю...

«Рулевой» — журнал для моряков. Вон на конце стола последний номер этого журнала; на обложке нарисована яхта.

Андреев ходит по огромному своему кабинету и говорит о морском — о брамселях, якорях, парусах. Сегодня он моряк, морской волк. Даже походка стала у него морская. Он курит не папиросу, а трубку. Усы сбрил, шея открыта по-матросски. Лицо загорелое. На гвозде висит морской бинокль.

Вы пробуете заговорить о другом. Он слушает только из вежливости.

— Завтра утром идем на «Савве», а куда...

«Савва» — его моторная яхта. Он говорит об авариях, подводных камнях и мелях.

Ночь. Четыре часа. Вы сидите на диване и слушаете, а он ходит и говорит монологи.

Он всегда говорит монологи. Речь его ритмична и текуча.

Иногда он останавливается, наливает себе стакан крепчайшего, черного, холодного чая, выпивает его залпом, как рюмку водки, лихорадочно глотает карамельку и снова говорит, говорит... Говорит о боге, о смерти, о том, что все моряки верят в бога, что, окруженные безднами, они всю жизнь ощущают близость смерти; еженощно созерцая звезды, они становятся поэтами и мудрецами. Если б они могли выразить то, что они ощущают, когда где-нибудь в Индийском океане стоят на вахте под огромными звездами, они затмили бы Шекспира и Канта...

Но вот наконец он устал. Монолог прерывается длинными паузами. Походка становится вялой.

* Книга о Леониде Андрееве (отрывок). 1922 г.

Половина шестого. Он выпивает еще два стакана, берет свечку и уходит к себе:

— Завтра утром идем на «Савве».

...

Когда через несколько месяцев вы снова приехали к нему, оказывалось, что он — живописец.

У него длинные волнистые волосы, небольшая бородка эстета. На нем бархатная черная куртка. Его кабинет преобразен в мастерскую. Он плодовит, как Рубенс: не расстается с кистями весь день. Вы ходите из комнаты в комнату, он показывает вам свои золотистые, зеленовато-желтые картины. Вот сцена из «Жизни Человека». Вот портрет Ивана Белоусова. Вот большая византийская икона, изображающая с наивным кощунством Иуду Искариотского и Христа. Оба похожи как близнецы, у обоих над головами общий венчик.

...

А потом цветная фотография.

Казалось, что не один человек, а какая-то фабрика, работающая безостановочно, в несколько смен, изготовила все эти неисчислимые груды больших и маленьких фотографических снимков, которые были свалены у него в кабинете, хранились в особых ларях и коробках, висели на окнах, загромождали столы. Не было такого угла в его даче, который он не снял бы по нескольку раз. Иные снимки удавались ему превосходно — например, весенние пейзажи. Не верилось, что это фотография, — столько в них было левитановской элегической музыки.

В течение месяца он сделал тысячи снимков, словно выполняя какой-то колоссальный заказ, и, когда вы приходили к нему, он заставлял вас рассматривать все эти тысячи, простодушно уверенный, что и для вас они источник блаженства. Он не мог вообразить, что есть люди, для которых эти стеклышки неинтересны. Он трогательно упрашивал каждого заняться цветной фотографией.

...

Писанию Леонид Андреев отдавался с такой же чрезмерной стремительностью, как и всему остальному, — до полного истощения сил. Бывали месяцы, когда он ничего не писал, а потом вдруг с невероятной скоростью продиктует в несколько ночей огромную

трагедию или повесть. Шагает по ковру, пьет черный чай и четко декламирует; пишущая машинка стучит как безумная, но все же еле поспевает за ним. Периоды, диктуемые им, были подчинены музыкальному ритму, который нес его на себе, как волна. Без этого ритма, почти стихотворного, он не писал даже писем.

Он не просто сочинял свои пьесы и повести, — он был охвачен ими, как пожаром. Он становился на время маньяком, не видел ничего, кроме них; как бы малы они ни были, он придавал им грандиозные размеры, насыщая их гигантскими образами, ибо в творчестве, как в жизни, был чрезмерен; недаром любимые слова в его книгах — «огромный», «необыкновенный», «чудовищный». Каждая тема становилась у него колоссальной, гораздо больше его самого, и застилала перед ним всю вселенную.

И поразительно: когда он создавал своего Лейзера, еврея из пьесы «Анатэма», он даже в частных разговорах, за чаем, невольно сбивался на библейскую мелодию речи. Он и сам становился на время евреем. Когда же он писал «Сашку Жегулева», в его голосе слышались волжские заливчатские ноты. Он невольно перенимал у своих персонажей их голос и манеры, весь их душевный тон, перевоплощался в них, как актер. Помню, однажды вечером он удивил меня бесшабашной веселостью. Оказалось, что он только что написал Цыганка, удалого орловца из «Повести о семи повешенных». Изображая Цыганка, он и сам превратился в него и по инерции оставался Цыганком до утра — те же слова, те же интонации, жесты.

Герцогом Лоренцо он сделался, когда писал свои «Черные маски»; моряком, когда писал «Океан».

Поэтому о нем существует столько разноречивых суждений. Одни говорили: он чванный. Другие: он — душа нараспашку. Иной, приезжая к нему, заставлял его в роли «Саввы». Иной наткнулся на студента из комедии «Дни нашей жизни». Иной — на пирата Хорре. И каждый думал, что это Андреев. Забывали, что перед ними художник, который носит десятки личин, который искренне, с беззаветной убежденностью считает каждую свою личину лицом.

Было очень много Андреевых, и каждый был настоящим.

*Леонид Андреев в доме на Черной Речке.
Из фондов ОГЛМТ*

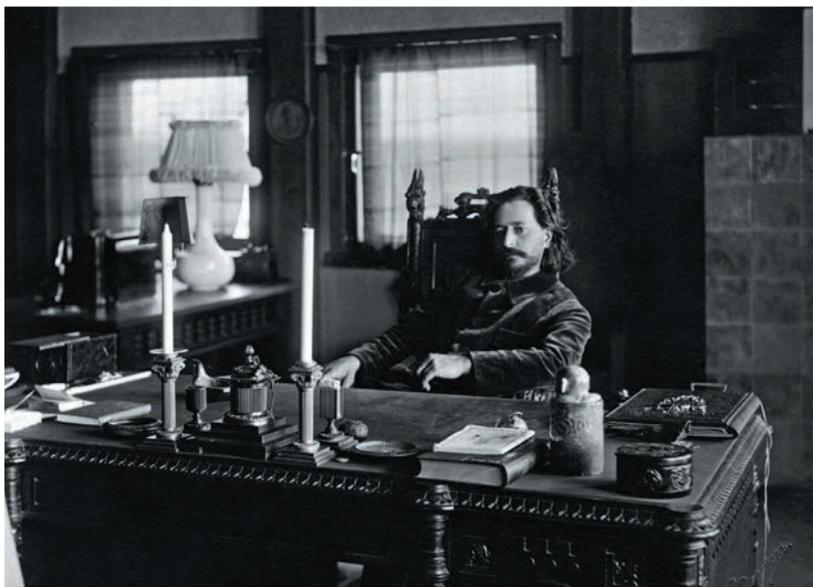

*Леонид Андреев
со своей работой
по мотивам Гойи.
Из фондов ОГЛМТ*

*Леонид Андреев
на вилле «Аванс»
близ Черной Речки.
1908–1910 гг.
Из фондов ГМИРЛИ
им. В. И. Даля*

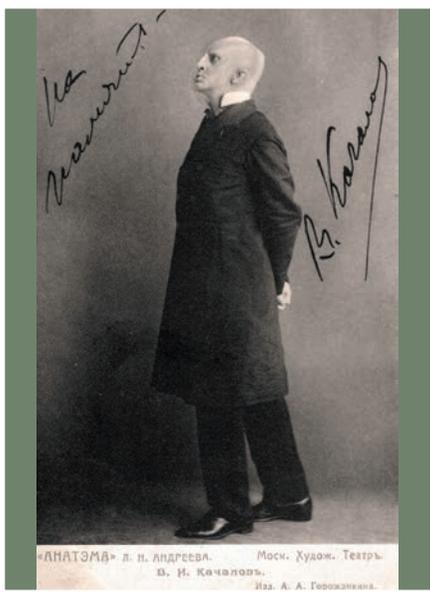

*Леонид Андреев на вилле «Аванс». Финляндия, 1910 г.
Из фондов ГМИРЛИ им. В. И. Даля*

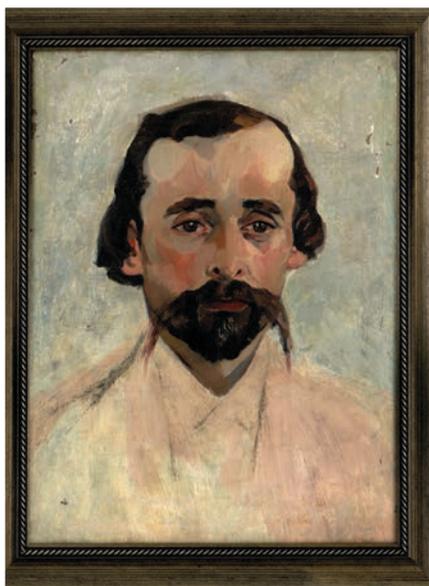
Афиша спектакля
«Анатэма».
Из фондов Музея
Леонида Андреева
в Бутове

В. Качалов в роли
Анатэмы. Открытка
с автографом артиста.
Из фондов Музея
Леонида Андреева
в Бутове

Открытка
к спектаклю «Анатэма».
Из фондов Музея
Леонида Андреева
в Бутове

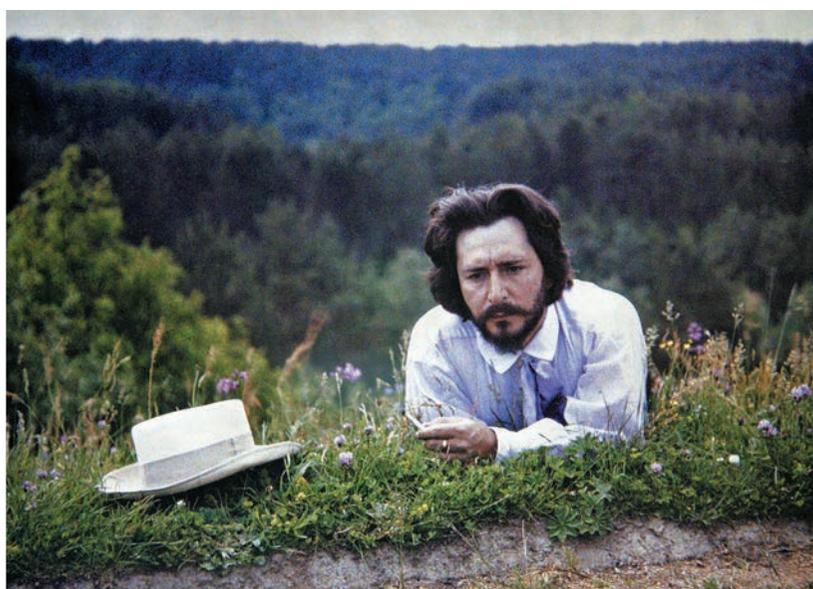

Портрет
И. А. Белоусова
кисти Леонида
Андреева.
Из фондов ГМИРЛИ
им. В. И. Даля

*Из серии «Летняя». Автохром Леонида Андреева.
Из фондов ОГЛИМТ*

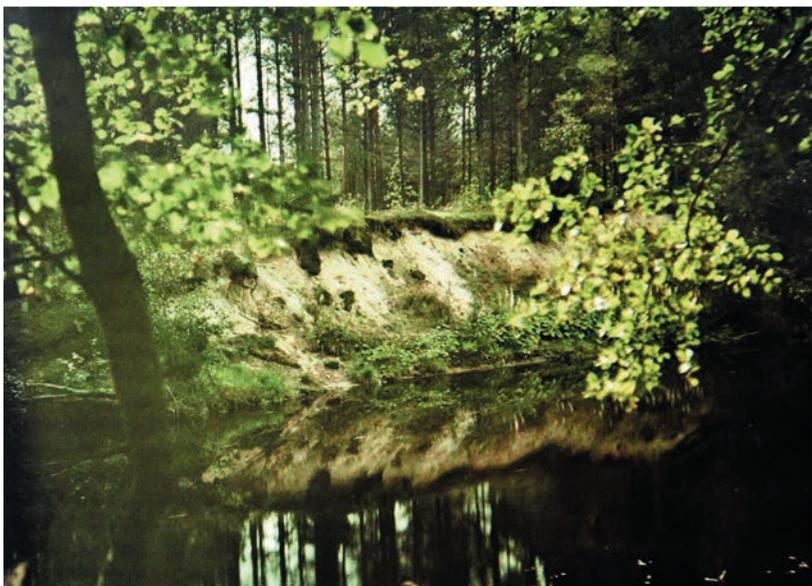

*У обрыва. Автохром Леонида Андреева.
Из фондов ОГЛИМТ*

*Цветущий пригорок. Пейзаж. Автохром Леонида Андреева.
Из фондов ОГЛИМТ*

*Черная Речка. Автохром Леонида Андреева.
Из фондов ОГЛИМТ*

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Борис Зайцев*

...

С весны 1908 г. он поселился на своей даче у Райволы, на Черной Речке. Эта дача очень выражала новый его курс; и шла, и не шла к нему. Когда впервые подъезжал я к ней летом, вечером, она напомнила мне фабрику: трубы, крыши огромные, несуразная громоздкость. В ней жил все тот же черноволосый, с блестящими глазами, в бархатной куртке, Леонид Андреев, но уже начавший жизнь иную: он женился, заводился новым очагом, был полон новых планов, более грандиозных, чем ранее, и душа его более была сметена славой, богатством, жаждой допить до конца кубок жизни — кубок, казавшийся теперь неосушимым. Обстановка для писателя (в России) — пышная. Дача построена и отделана в стиле северного модерна, с северной крутой крышей с балками под потолком, с мебелью по рисункам немецких выставок. Кто любит залу и фойе Художественного театра, тому понравилось бы и там.

Мы много говорили очень дружественно, мне хорошо было с Андреевым, но жилище его говорило о нецелности, о том, что стиль все-таки не найден. К стилю не шла матушка из Орла, Настасья Николаевна, с московско-орловским говором; не шли вечные самовары, кипевшие с утра до вечера, чуть не всю ночь; запах щей, бесконечные папиросы, нервность, мягкая развалистая походка хозяина, добрый взгляд его глаз, многие мелочи. Правда, стремление к грандиозу находило некое применение: нравилось смотреть с башни в морской бинокль на Финский залив, наблюдать ночью звезды. Но как раз рано утром следующего дня, проснувшись в боковой комнате для гостей, не совсем еще отделанной, я услышал, как двое маляров, снаружи малевавших на подмостках, напевали неторопливо простую, славную нашу песню. Вот в ней — земля Москвы, березки Бутова, поля Орла. И нет Финляндии. Нет майоли-

* Книга о Леониде Андрееве (отрывок). 1922 г.

ковых отделок, матовых кубов, нет модерна. Нет и «Жизни Человека».

На этой новой даче написал Андреев: «Царя-Голода», «Черные Маски», «Анатэму», «Океан» и другое. Репортеры так описывали его дачу: «... Смотрящая с пригорка в светлые безглазые ночи, она кажется зловещей, пугающей, мрачной, как обитель одиночества или замок Смерти. И в эти светлые безглазые ночи и внутри нее та же жуть и тот же мертвый свет».

Одним словом, для газетчика раздолье. А вот жизнь:

«И каждый вечер и часть ночи Андреев сидел в кабинете, будто перенесенном со сцены, из “Жизни Человека”, со стенами, обитыми серо-зеленым сукном, библиотекой в нише, большими, растянутыми в ширину окнами, — полным полумрака и таинственности и красоты, освещенном немногими парными свечами».

*Автопортрет на фоне черепичной крыши.
Из фондов ОГЛИМТ*

К 150-летию со дня рождения

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ: ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

*Леонид Андреев с женой Анной Ильиничной.
Финляндия, 1908–1910 гг.
Из фондов ГМИРЛИ им. В. И. Даля*

*Анна Ильинична
Андреева — вторая
жена писателя.
Из фондов ОГЛМТ*

*Дом Леонида Андреева на Черной Речке.
Из фондов ОГЛМТ*

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

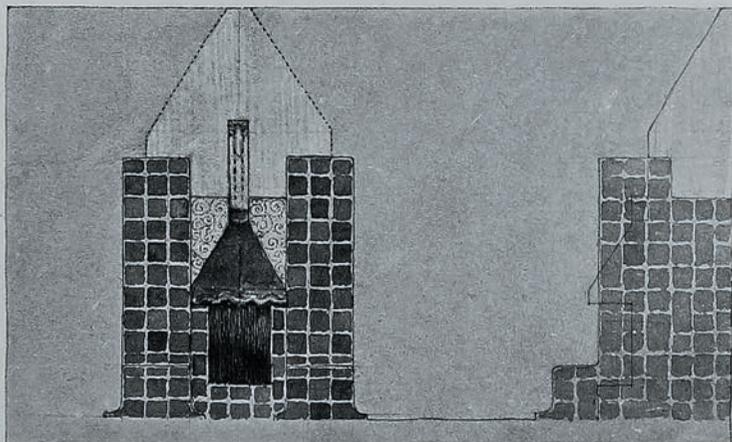

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ: ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

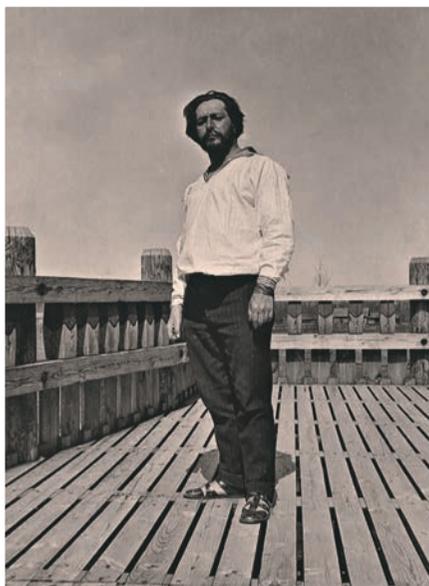
92

Интерьеры дома на Черной Речке.
Из фондов ОГЛМТ

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Леонид Андреев на
балконе своего дома
на Черной Речке.
1908–1919 гг.
Из фондов ГМИРЛИ
им. В. И. Даля

Макет дома Леонида Андреева на Черной Речке.
Из фондов ОГЛИМТ

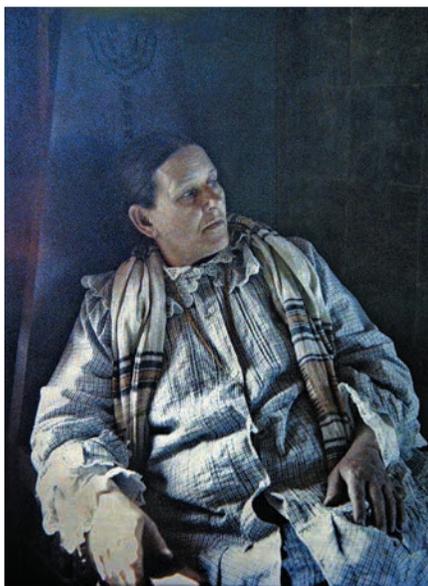

*Автопортрет за рабочим столом в кабинете дома на
Черной Речке. Автохром Леонида Андреева.
Из фондов ОГЛМТ*

*Леонид Андреев.
Из фондов ОГЛМТ*

*Мать. Автохром
Леонида Андреева.
Из фондов ОГЛМТ*

*Дети на траве. Автохром Леонида Андреева.
Из фондов ОГЛМТ*

Леонид Андреев

«...Море и моя любовь к нему!.. Не то, что “вы любите ли сыр”, а самая настоящая, доподлинная, нежнейшая любовь, многолетний роман с возлюбленной, стремления и томления, печаль и отчаяние, мгновения высокой радости и почти чувственного восторга...

И как для верующего слово “бог”, вероятно, чертится какими-нибудь особенными знаками, так для меня особенно писалось и особенно звучало слово “море”. Одно это слово, даже случайное, наполняло целую страницу и так возвышалось над остальным текстом, как Кельнский собор над остальными домами.

И тут закавыка. Почему я не пишу и не могу писать о море? Хочу — и не могу. Кажется уж, “мастер слова”, и порою я сам полно и сильно ощущаю свою власть. Но для моря — нет у меня ни слов, ни красок, ни способности работать, т. е. кропотливо и настойчиво вытаскивать слова-бирюльки и осторожно строить из них воздушные палаццо. Море я должен охватить одним словом, одним вздохом и звуком. Как легко описать чужую возлюбленную и как невозможно свою!»

Леонид Андреев.
1908–1913 гг.
Из фондов ГМИРЛИ
им. В. И. Даля

Моторная лодка «Савва». Из фондов ОГЛИМТ

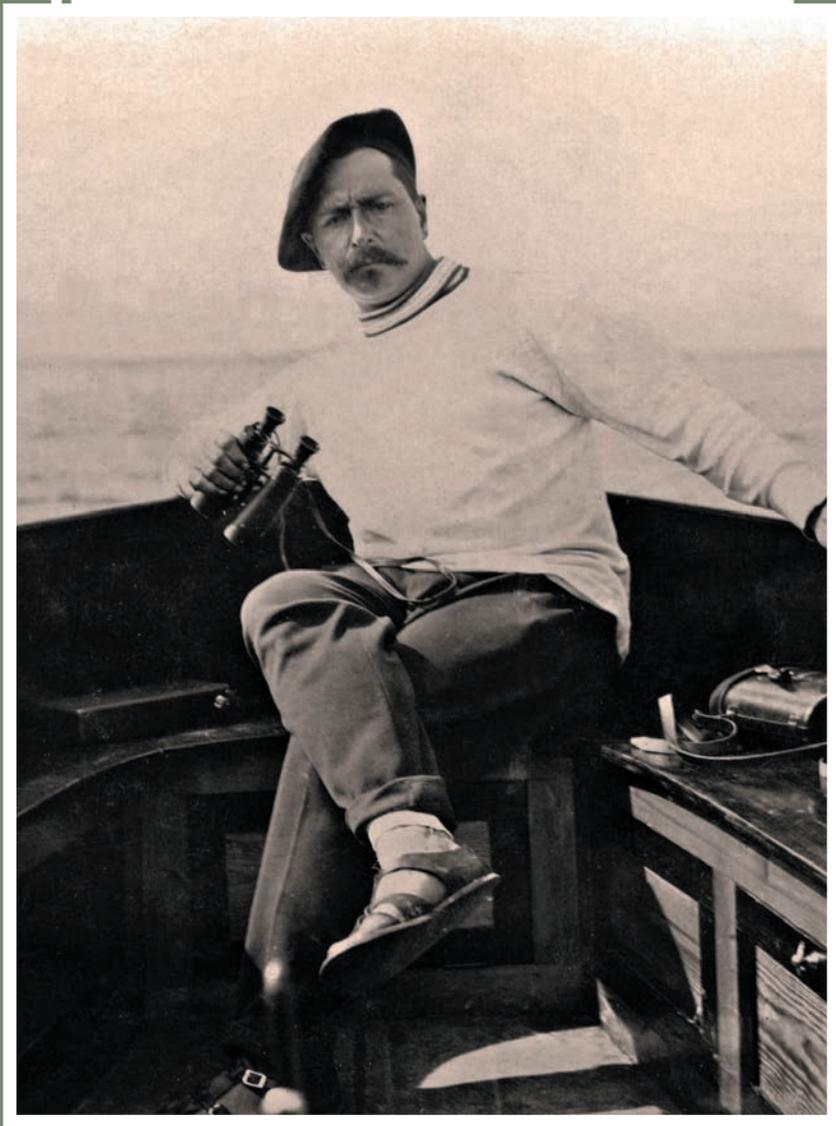

*Команда яхты «Далекий» Л. Н. Андреев, Киппен,
А. Н. Андреев, машинист Николай Степанович. 1910-е гг.
Из фондов ГМИРЛИ им. В. И. Даля*

*Леонид Андреев на
борту яхты «Далекий».
Финляндия, 1913 г.
Из фондов ГМИРЛИ
им. В. И. Даля*

Леонид Андреев на борту яхты. 1910-е гг.
Из фондов ГМИРЛИ им. В. И. Даля

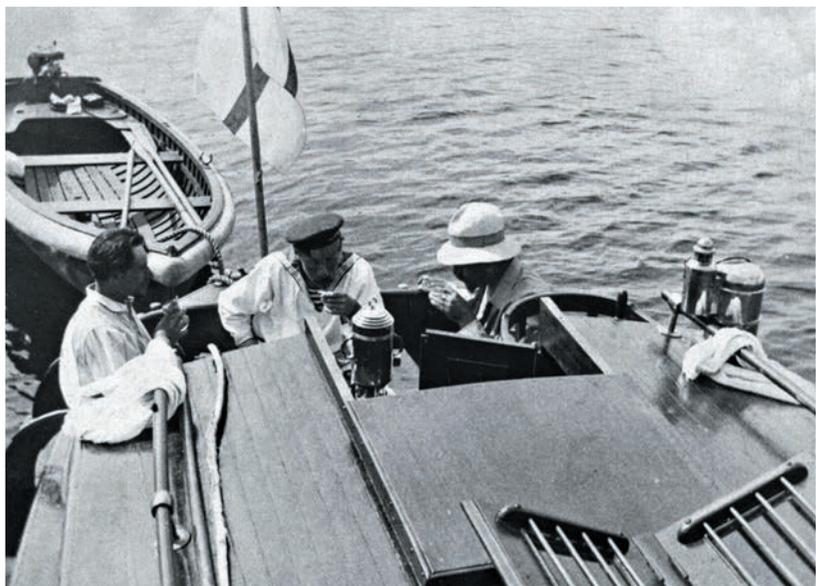

99

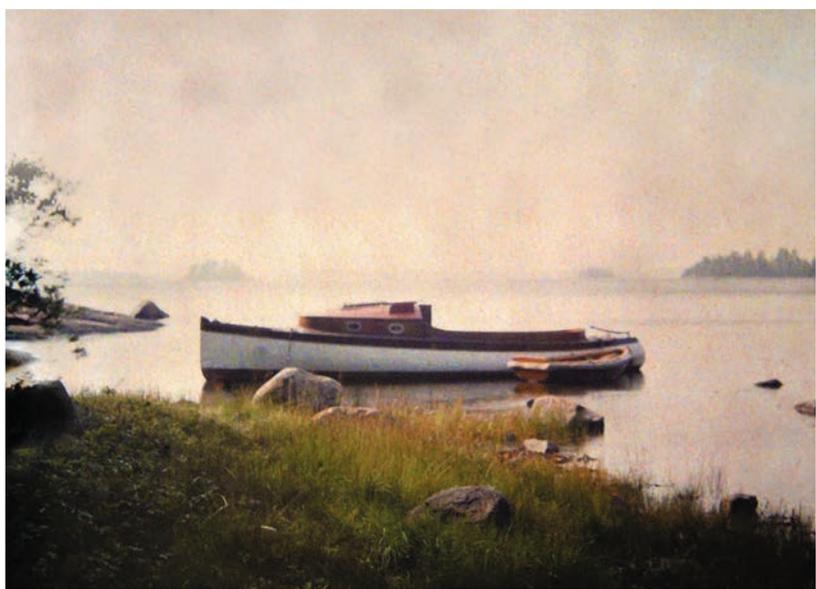
ЛЕОНИД АНДРЕЕВ: ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

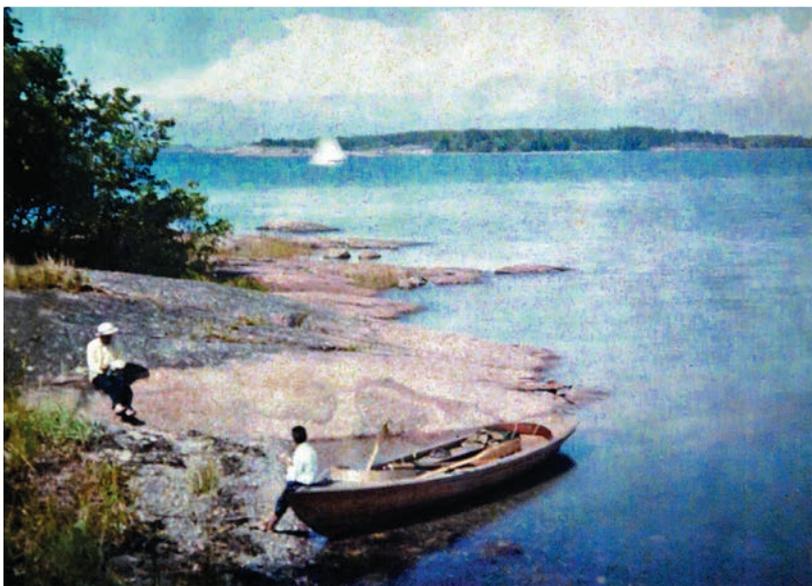
К 150-летию со дня рождения

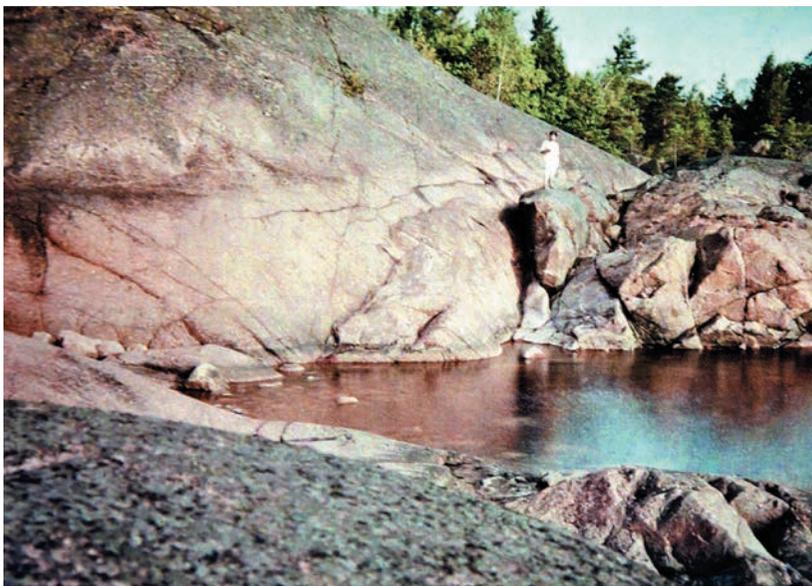
*Леонид Андреев, Киппен и неизвестный на корме яхты
«Далекий». Финляндия, 1913 г.
Из фонов ГМИРЛИ им. В. И. Даля*

*Бот «Далекий» у Юль-Хольма. Автохром Леонида Андреева.
Из фондов ОГЛМТ*

*Летний пейзаж. Финский залив.
Автохром Леонида Андреева. Из фондов ОГЛМТ*

*Обнес. Автохром Леонида Андреева.
Из фондов ОГЛМТ*

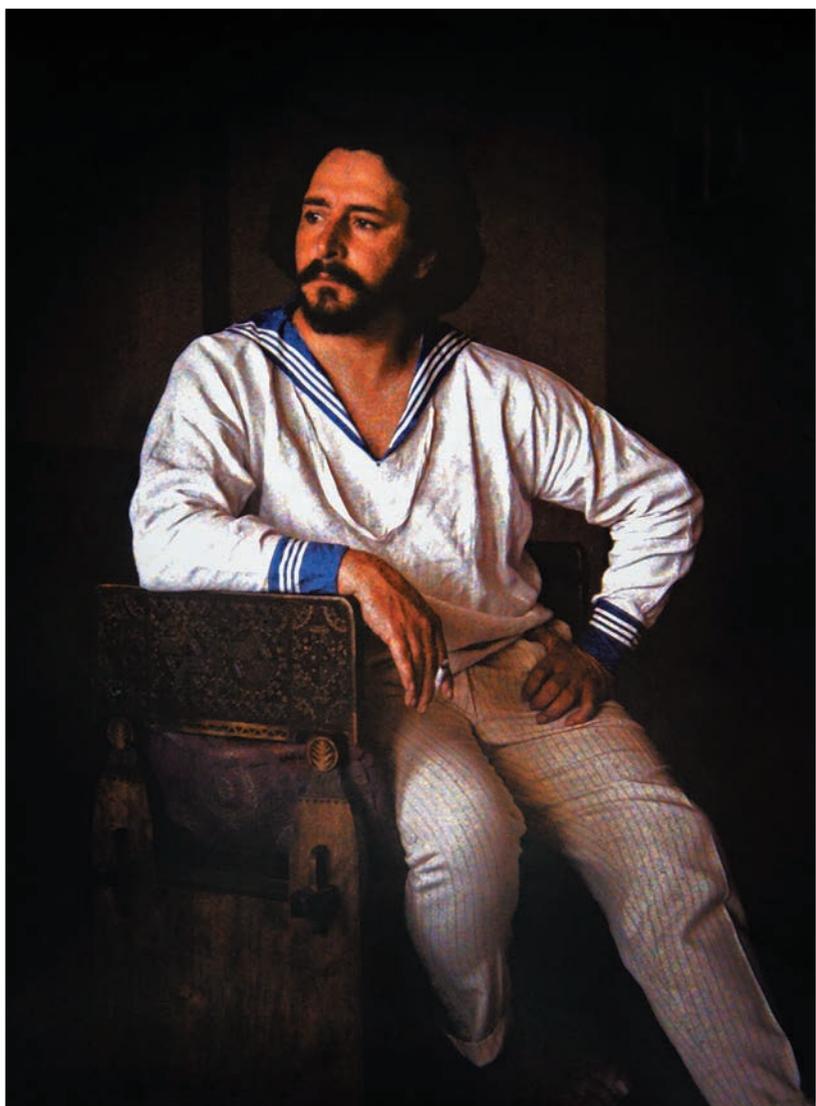
К 150-летию со дня рождения

101

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ: ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

Леонид Андреев. Из фондов ОГЛМТ

НЕСЧАСТЬЕ

1911-1919

ART IV

Густится мрак, и во мраке я слышу голос:

— Идущий за мною сильнее меня. Он будет крестить вас огнем и соберет пшеницу в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым. Идущий за мною сильнее меня.

Густится мрак, клубятся свирепые тучи, разъяренные вихрем, и в их дымных завитках я вижу новый и страшный образ царской короны на царской короне на голове. Кто этот страшный царь? Он худ и злобен — не Царь Голод ли это? Он весь в огне и крови — не царь ли это Вильгельм? Он с веревочной петлей поверх короны — не царь ли Николай это. Сгущается тьма. Мне страшно!

Сгущается бездонная тьма, кромешный мрак. Ни единого огня, ни единого голоса — безмолвие и тьма. Мне страшно. Как слепой, мечусь я в темноте и ищу Россию:

— Где моя Россия? Мне страшно. Я не могу жить без России. Отдайте мне мою Россию! Я на коленях молю вас, укравших Россию: отдайте мне мою Россию, верните, верните!

Ищу и не нахожу. Кричу и плачу в темноте. И мне страшно, о Господи! Где моя Россия? Сердце не хочет биться, кровь не хочет течь, жизнь не хочет жить.

Отдайте Россию!

Л. Н. Андреев. *Veni Creator!*

Георгий Чулков*

Он [Леонид Андреев] был одним из многих русских скитальцев, но наши скитальцы александровской и николаевской эпох были почти всегда дворянами, наследниками большой и старинной культуры: Леонид Андреев был скиталец-разночинец, без всяких культурных корней по происхождению и по воспитанию. Но он был сыном своего времени, он был весь в предчувствии катастрофы. А ведь наши малые исторические катастрофы, падение того или иного социального порядка, крушение той или иной формы государственности всегда отражают в себе общую катастрофичность истории и мира. И когда Тютчев, например, по поводу падения Севастополя говорит о конце мира, это вовсе не так уж неосторожно, ибо хронология, сроки — иногда последнее дело. Много у нас было растревоженных людей и более замечательных, чем Андреев; многие говорили, что скоро всему конец, но у Леонида Андреева была своя собственная интонация, свой голос.

Я как сейчас вижу его шагающим по своему кабинету с неугасающей папиросой в руках, с блестящими глазами, с горькой улыбкой — и вечно повествующим о задуманном рассказе или о самом себе — и всегда в какой-то лихорадке, как будто ожидая чего-то страшного и последнего. Но — странное дело — в иных людях бывает неприятна и тягостна эта черта — говорить непременно о себе и о своем: в Леониде Андрееве это было так неизбежно, так определялось самой сущностью его личности, что слушать его признания и его лирический бред было вовсе не в тягость. Что же ему, несчастному, было делать, когда у него ничего не было твердого и прочного, на чем он мог бы крепко стать и посмотреть на Божий мир более смиренно и более мудро.

Его разговоры о себе не были эгоизмом, они были его несчастьем, горем, болезнью, тоскою. И его нельзя было не любить именно таким — поглощенным самим собою.

А что в нем не было ничего твердого и коренного — об этом свидетельствуют и его собственные

* Книга о Леониде Андрееве (отрывок). 1922 г.

признания. Вот что однажды он писал мне: «Каждую свою вещь я хотел бы писать под новым именем. Мне тяжело зависеть от моего собственного прошлого, от высказанных мыслей, от промелькнувших обещаний — я ничего не хочу обещать. Быть жертвою логики я не хочу. Свободно любить, плакать, смеяться — вот! Сегодня я мистик и анархист — ладно; но завтра я буду писать революционные вывески, как Тан; а послезавтра я, быть может, пойду к Иверской с молебном, а оттуда на пирог к частному приставу...» И далее: «Поверьте мне, я до исступления ненавижу современное культурное человечество; я не принимаю жизни, какая она есть, и никогда не приму, но я не хочу выкидывать никакого знамени, даже знамени бунта...»

Но Л. Н. Андреев не только не строил и не мог построить цельного миросозерцания: он не хотел даже узнать и понять тех людей прошлого, которые осмелились такое цельное миросозерцание утверждать. Он как будто боялся возможных на себя влияний.

Прежде, когда я был моложе, мне казалось досадным, что Андреев оправдывает афоризм Пушкина — «мы ленивы и нелюбопытны». Он в самом деле был «ленив и нелюбопытен» в известном смысле. Он многого не знал, не успев в студенческие годы приобрести знания, ибо тратил время и силы на заработок, занимался судебным репортажем в газете и еще чем-то, а в дни, уже свободные от нужды, жил по-прежнему, махнув рукою на то, что было завоевано человечеством. Мне было досадно, что он все читает и перечитывает романы с приключениями и как-то не хочет вникнуть в глубину и многообразие мировой культуры. Но теперь я понимаю, что ему нельзя уже было «учиться». Ничего путного из этого не вышло бы. Он бы не выдержал знания, увял бы, поник бы совсем, вдруг догадавшись, что «Америка» уже открыта. И дело не в том, что он нередко открывал «америки», а в том, как он их открывал. Удачен или неудачен был его стиль, глубока или неглубока его мысль, все равно сам он, его личность, его буйство ума и его больное сердце были, как вещие знаки нашей судьбы. Он был жертвою за всех нас. А тут уж надо шапку снять и поклониться, не критикуя. То, что в Андрееве было — пусть иногда неудачное и безвкусное — все было подлинное. Лгать и притворяться этот человек не хотел и не умел.

ДОМЪ РЕДАКЦИИ,
ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ
и
ТИПОГРАФИИ ГАЗЕТЫ
„Русская Воля“

ПЕТРОГРАДЪ.
Ивашовская ул., домъ № 14.

Пробные номера газетъ „РУССКАЯ ВОЛЯ“ высылаются
для ознакомления бесплатно.

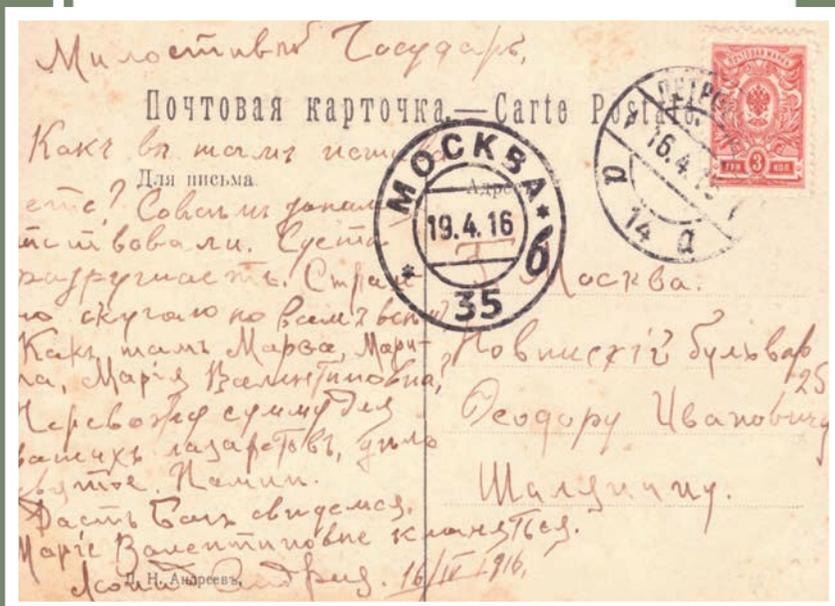
ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1917 ГОДЪ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ	Съ доставкой въ Петербургъ		Съ пересылкой въ Россію		Съ пересылкой за границу	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
• 6 лѣтъ	8	50	17	—	23	—
• 3 лѣтъ	4	75	5	—	7	75
• 1 лѣтъ	1	65	1	80	2	75

Перевѣна адресъ—20 коп.

Для высылки денегъ и вещей, ученикъ въ нынѣшнихъ учебн. заведеніяхъ, возмѣ. болѣе при возвращеніи, обратитъ въ Гл. Контору на 12 мѣс.—12 р., 6 мѣс.—7 р., 3 мѣс.—4 р., 18 мѣс.—1 р., 1 мѣс.—1 р., 35 мѣс. При разл. почтовыхъ тарифахъ: РАССРОЧКА! при годн.—2 р., въ апр.—2 р. и въ авг.—остальное. Листки: 1 лѣтъ—1 рубль, 3 лѣтъ—3 руб., 6 лѣтъ—6 руб., въ апр.—2 р. и въ авг.—2 р.

Реклама издательства
«Русская воля»
в Санкт-Петербурге.
Из фондов Музея
Леонида Андреева
в Бутове

Письмо Леонида Андреева Ф. И. Шалапину.
Из фондов Музея Леонида Андреева в Бутове

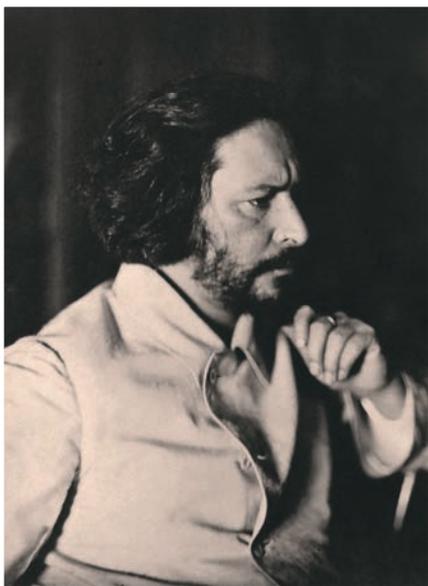
Постановка пьесы «Дни нашей жизни» русскими военнопленными. 1917 г. Из фондов Музея Леонида Андреева в Бутове

«Дни нашей жизни»
 Действующие лица:

Ольга Николаевна: М. Покровская
 Вера: М. Покровская
 Пётр: М. Покровская
 Николай: М. Покровская
 Михаил: М. Покровская
 Александр: М. Покровская
 Борис: М. Покровская
 Анна Ивановна: М. Покровская
 Зинаида Васильевна: М. Покровская
 Мирон: М. Покровская
 Сестра: М. Покровская
 Петя: М. Покровская

1915, 28/11. Кинотеатр «Лейпциг» в Б. Б. Б. Б.

Постановка пьесы «Дни нашей жизни» русскими военнопленными. 1917 г. Из фондов Музея Леонида Андреева в Бутове (оборот)

*Леонид Андреев.
Из фондов ОГЛМТ*

Чернильница Леонида Андреева. Из фондов ОГЛМТ

Акварель. Вид из квартиры Леонида Андреева на реку Мойку, Михайловский сад и здание школы народного искусства. Из фондов ОГЛМТ

Пейзаж. Художник Леонид Андреев (?). 1918 г. Из фондов Музея Леонида Андреева в Бутове

Вадим Андреев*

Из Москвы, по-летнему пыльной и душной, мы в тот же день поехали в Бутово, верст за тридцать, где жили этим летом Добровы. Здесь я провел с моим отцом и покойной матерью два лета — в 1904 и 1905 годах. Здесь же они жили перед моим рождением в 1902 году. Мы пошли гулять втроем — отец, Даня и я, бутовскими березовыми рощами, широкими, уходившими к самому горизонту полями. Показывая на сухой корень, торчавший посередине тропинки, отец вспоминал:

— Я ехал на велосипеде и обдумывал мою первую пьесу. Я видел корень и знал, что зацеплю педалью, но в тот момент мне показалось, что все это неважно, важно додумать. В ту же секунду я полетел, разбил колено и свернул руль велосипеда на сторону, а когда попытался вспомнить, о чем я думал, то уже ничего не мог представить себе — в памяти был пустой черный провал. Так до сих пор я не помню, о чем я думал. Кажется, прекрасное и замечательное, но что...

— А вот здесь, — продолжал отец, когда мы вышли на узкую липовую аллею, ведущую к станции, — однажды вечером, в сумерки, со мною случилась пренеприятная история. Я шел встречать бабушку, возвращавшуюся из Москвы в Бутово. Издали увидев ее светлое платье, я встал на четвереньки и пошел к ней навстречу, протяжно и громко лая. Когда я приблизился и увидел, что светлое платье принадлежит вовсе не бабушке, а соседке, шедшей с вокзала, чрезвычайно важной и суровой даме, то я был до того смущен, что все так же, на четвереньках, продолжая лаять, прошел мимо нее. А через несколько дней в Москве говорили, что я пью запоем и что окончательно потерял человеческий облик.

Мы продолжали прогулку. Чем больше вспоминал отец, тем мрачней и неразговорчивей он становился. Около маленького, заросшего кувшинками

* Андреев В. Л. Детство (отрывок). 1963 г.

и водяными лилиями темного пруда, окруженного длиннолиственными ивами и высокими березами, прямыми как мачты, — сюда приходили по утрам купаться отец и мать — отец, резко повернув, быстро зашагал к даче Добровых, где мы остановились.

На другой день он уехал в Москву для переговоров с новыми сотрудниками газеты, а я остался в Бутове. Бродя по тропинкам, о которых мне рассказывал отец, в лабиринте из густо насаженного ельника, мимо дачи, где мы жили одиннадцать лет тому назад, я ловил неуловимое светлое платье, ускользавшее между белыми березовыми стволами, прозрачную и легкую тень моей матери. Ее незримым присутствием было полно Бутово. Прикасаясь к шершавой коре дерева, я думал, что, может быть, к этому дереву прикасалась она; садясь на старую, покосившуюся скамейку, израненную инициалами и датами, я старался представить себе, как она сидела, тоненькая и легкая, в длинном, старомодном платье, пока я играл у ее ног; купаясь в пруду, я видел, как здесь, в этой же черной и холодной воде, под этими же низко нависшими ивами, она, завязав свои темные косы красным платком, плыла и, нарвав длинные, скользкие стебли желтых кувшинок, возвращалась к уходящим в воду, шатким купальным мосткам. Я приказывал моей памяти воскресить те минуты, когда я, полуторагодовалый мальчик, спотыкаясь шел по усыпанной песком дорожке и цеплялся за ее руку, ту секунду, когда я впервые в сумерках увидел в траве упавшую с неба звезду, фосфорический блеск светляка, но память была бессильна и образы, возникавшие в ней, оставались бесплотными и нереальными.

Мои одинокие прогулки в поисках улетающего белого платья были для меня самым большим и самым острым наслаждением. <...>

Раза два или три в течение месяца, который я прожил в Бутове, он приезжал из Москвы ненадолго, на день или два. Лето было дождливое. Рожь не золотилась, а сделавшись желто-серою, полегла целыми десятинами, прибитая дождем. По вечерам во время бесконечных чаепитий, когда в открытые окна сквозь кусты сирени вползали в комнату

сырость и ночная тревожная тишина, за столом, уставленным стаканами и липкими блюдами от клубничного варенья собирались гости и говорили о войне, только о войне. Отец, Филипп Александрович, все, кто бы ни зашел к Добровым, жили только известиями с фронта. Еще шумел на столе самовар, еще иной раз пытались составить партию в винт, еще царствовал вокруг привычный, выработанный десятилетиями уют, но вместе с тем вся эта знакомая с детства спокойная жизнь казалась уже нереальной и призрачной. Правдою были военные поезда, проезжавшие невдалеке, лазареты, устроенные в пустующих дачах, аршинные заголовки газет, назойливо лезшие в глаза. Отставка Самсонова, казнь Мясоедова, бои под Верденом, отступление с кровавых галицийских полей — все отравляло воздух, и нечем было дышать.

В Бутове отцу было тяжело. В Москве, по-видимому, того хуже — там быт казался сильнее и непоколебимее. Он говорил раздраженно и зло:

— Все они, — под «они» подразумевались главным образом московские писатели, — живут на Четвертом Коровьем валу. Наступит революция, сгорит полмира, все станет неузнаваемым и необычным, а «они» так и не сдвинутся со своего Коровьего вала, да еще вдобавок Четвертого!

В Петербург мы возвращались уже в конце лета. Отец уезжал недовольный и расстроенный — из его переговоров с московскими писателями ничего путного не выходило: все отказывались сотрудничать в «Русской воле», кто по политическим соображениям, кто просто из страха перед новым и неизвестным начинанием, о котором уже ползли всевозможные двусмысленные слухи. С отцом я встретился на вокзале, за несколько минут до отхода поезда. Приехал он тяжелый со страшной головной болью, от которой темнеет лицо и наливаются кровью глаза. Всю ночь, пока раскачивался на рельсах пульмановский вагон, он ходил по коридору и курил одну папиросу за другой.

Главная аллея усадьбы Бутово. Начало XX века.
Из фондов Музея Леонида Андреева в Бутове

*Бутово. Начало XX века.
Из фондов Музея Леонида Андреева в Бутове*

*Музей Леонида Андреева в Бутове. 2021 г.
Фото А. Никулина*

К 150-летию со дня рождения

*Семья Москвиных в парке усадьбы Бутово. Начало XX века.
Из фондов Музея Леонида Андреева в Бутове*

*Семья Москвиных с детьми
в собственной усадьбе Бутово. Начало XX века.
Из фондов Музея Леонида Андреева в Бутове*

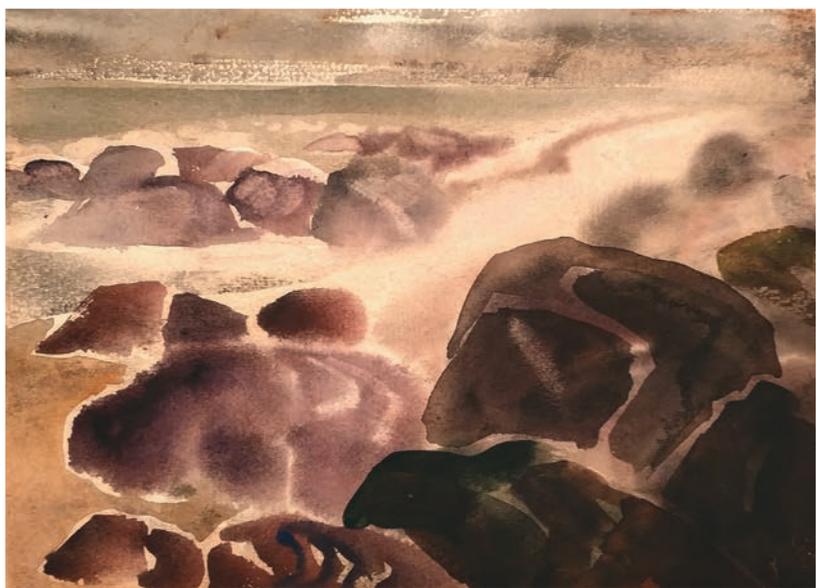

*Вадим и Даниил
Андреевы.
Из фондов ОГЛМТ*

*Леонид Андреев с сыном Вадимом. Финляндия, 1910-е гг.
Из фондов ГМИРЛИ им. В. И. Даля*

*Морской пейзаж. Художник Алла Андреева,
жена Даниила Андреева. 1950-е гг.
Из фондов Музея Леонида Андреева в Бутове*

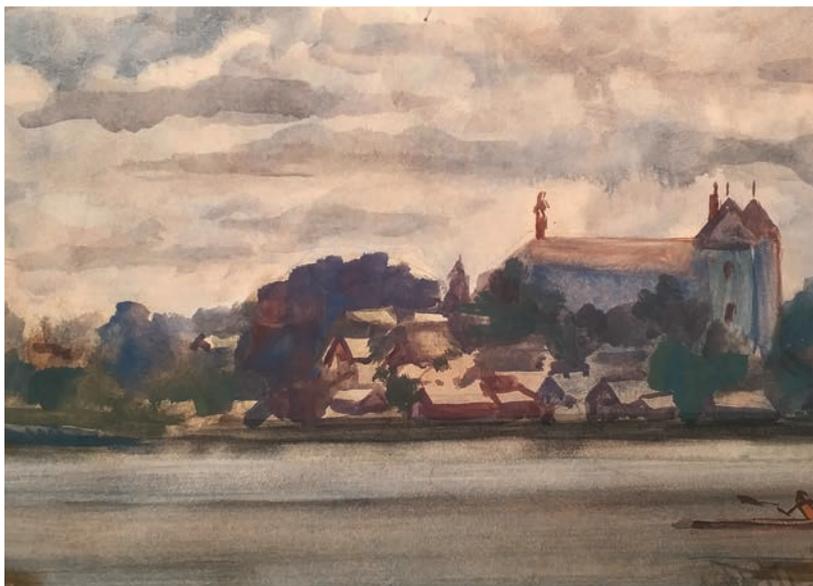

*Пейзаж. Художник
Алла Андреева,
жена Даниила Андреева.
1950-е гг.
Из фондов Музея
Леонида Андреева
в Бутове*

*Даниил Андреев.
Из фондов ОГЛМТ*

*Пейзаж. Художник Алла Андреева,
жена Даниила Андреева. 1950-е гг.
Из фондов Музея Леонида Андреева в Бутове*

К 150-летию со дня рождения

119

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ: ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

Леонид Андреев*

Такая печальная, такая мрачная, такая тоскливая моя жизнь. Сколько ни оглядываюсь назад — все позади мрачно, страдание, темнота. Только детство счастливо и радостно — пора очищения, пора догадок, а не мыслей. А как только начал думать, как только начал жить, то начались страдания и продолжают до сих пор. Я уже сейчас не молод, все погребло, здоровье безнадежно плохо, доживать приходится последние года, и ничего, что могло бы украсить, смягчить, сделать радостною эту последнюю тропу жизни. Клевета, преследования, нелады дома, неустройства в личной жизни, все тяжелое, все смутное. Тоскливая жизнь.

Все вспоминаются ночи, одна за другою, ночи последних годов, которые приходилось проводить в этих бесконечных, тяжелых, бесцельных разговорах, и кажется, что этим ночам нет конца. Тысяча и одна ночь! Тысяча и одна ночь! Печально и страшно.

Только начну верить — обманут. Только начну любить — обольют холодом непонимания. Доброта их пустяками. Задыхаются во мне невысказанные слова, задыхаются неразделенные чувства, любовь огромная, огромная, которую до сих пор не мог я проявить. Не мог. Увенчанный сомнительною славой, живу я в темном одиночестве. Проходят дни, проходят ночи. Лежу и думаю, лежу и думаю, один, всегда один. Бесконечно возмущается во мне благородное мое. Его было много, оно есть и сейчас. Но не знаю: оттого ли, что оно не нужно, или нет ему ответа, но и оно тоскует страшно одиноко, брошенное какое-то, какое-то ненужное. Зачем, зачем?

Смотрю на дом свой, ведь это только тяжесть, его нужно держать, это ведь пустяки,

* Л. Н. Андреев. Дневник (отрывок). 1915 г.

в сущности говоря, так мало денег, ведь это награда за всю жизнь? И эту награду каждую минуту могут вынуть из рук, за нее нужно держаться крепко. А руки слабеют, становится труднее и труднее. И кругом нет ответа. Друзья ничтожны — ничтожны друзья. Ни одного сильного, крепкого человека, который мог бы протянуть руку, ни одной смелой и свободной широкой души, к которой можно бы было прильнуть хоть на минуту. Никого. Никого.

*Дом Леонида Андреева на Черной Речке.
Из фондов ОГЛИМТ*

К 150-летию со дня рождения

121

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ: ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

*Леонид Андреев с детьми.
Из фондов ОГЛМТ*

Портрет
Леонида Андреева.
Художник
Валентин Андреев,
1957 г.
Из фондов ОГЛМТ

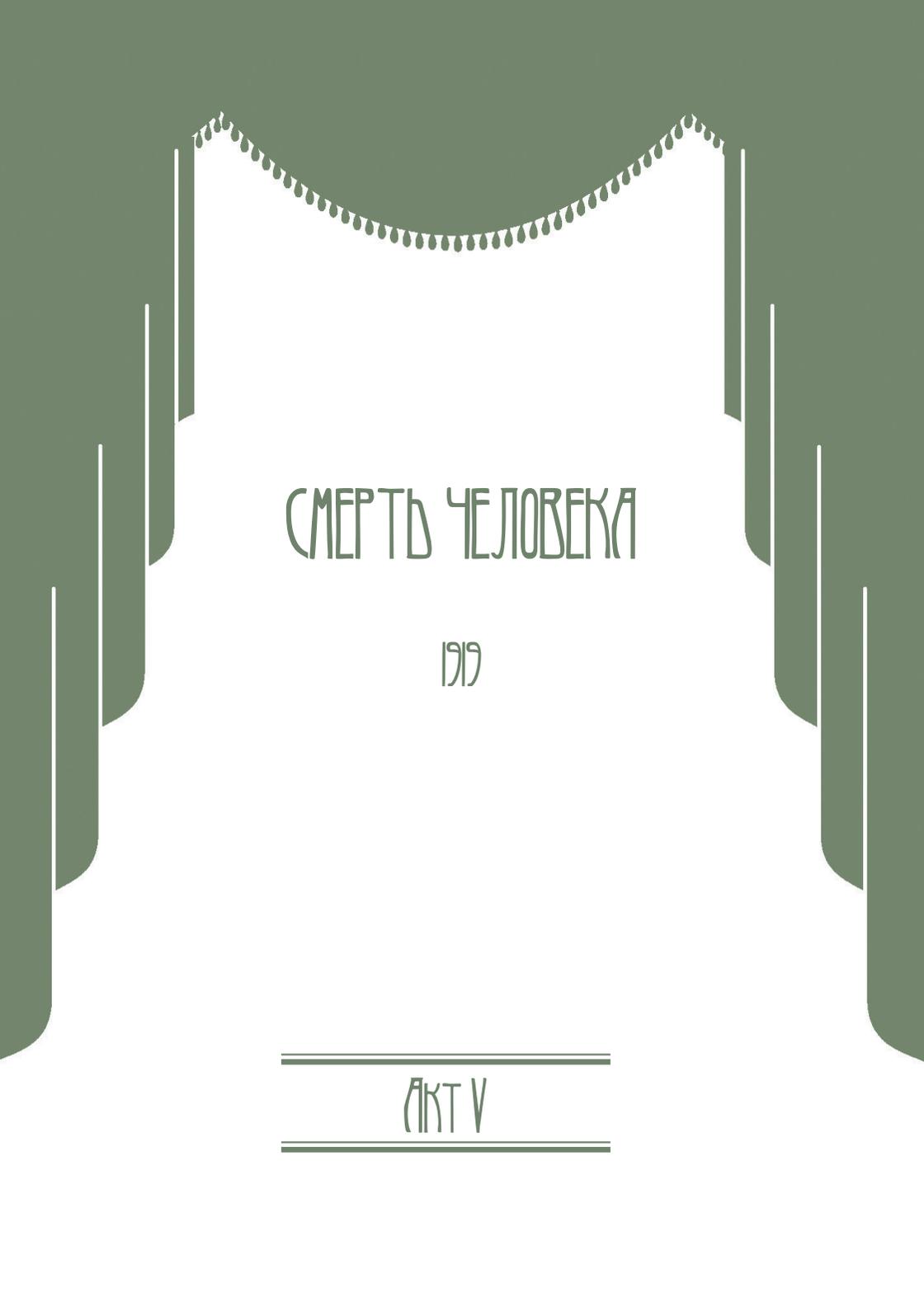
А. Н. Андреева, Р. Н. Андреева и племянники
Л. Н. Андреева. Финляндия, 1910-е гг.
Из фондов ГМИРЛИ им. В. И. Даля

Савва Андреев в танце. Из фондов ОГЛМТ

СМЕРТЬ ЧЕЛОВЕКА

1919

АКТ V

«Все мои несчастья сводятся к одному: нет дома. Был прежде маленький дом: дача и Финляндия <...>. Был и большой дом: Россия с ее могучей опорой, силами и простором. Был и самый просторный дом мой: искусство-творчество, куда уходила душа. И все пропало. Вместо маленького дома — холодная, промерзлая, обворованная дача с выбитыми стеклами, а кругом — чужая и враждебная Финляндия. Нет России. Нет и творчества. <...> Изгнанник трижды: из дома, из России и из творчества <...>».

Л. Н. Андреев. Из письма Н. К. Рериху

Александр Блок*

...В «Жизни Человека», как во всем ряде произведений Андреева, который открывается этой пьесой, поставлен нелепый, досадный вопрос, который предлагают дети: «Зачем?». Что ни скажешь ребенку, он спрашивает: «Зачем?». Взрослые на этот вопрос ничего не в состоянии ответить; но они также не в состоянии признаться в том, что они не могут ответить на этот вопрос. Просто — «глупый вопрос», «детский вопрос»; вот то, что мне лично кажется самым драгоценным в Л. Андрееве; он всегда задавал этот вопрос, и был трижды прав, задавая его, потому что вот сейчас этот самый вопрос задает цивилизации великое дитя — Россия, а ответить на него так, чтобы за ним не последовало опять второе, полуравнодушное, полукапризное «Зачем?» — никто не может.

Леонид Андреев задавал этот вопрос от самой глубины своей, неотступно и бессознательно. Сознательно он, чем дальше, тем больше, умствовал и сам способен был ответить на него не раз взрослее взрослого, глупее глупого. Но была в нем эта драгоценная, непочатая, хаотическая, мутная глубь, из которой кто-то, в нем сидящий, спрашивал: «Зачем? Зачем? Зачем?», и бился головой о стену большой, модно обставленной, постылой хоромины, в которой жил известный писатель Леонид Андреев, среди мебели нового стиля.

Кажется, «Жизнь Человека» в этом смысле — самая автобиографическая пьеса. Мне привелось смотреть ее со сцены, чем я обязан режиссерским трюкам Мейерхольда. Никогда не забуду потрясающего впечатления от первой картины. Была она поставлена «на сукнах». В глубине стоял диванчик со старухами и ширма, а впереди — круглый стол со стульями кругом. Сцена освещалась только лампой

* Книга о Леониде Андрееве (отрывок). 1922 г.

на столе и узким круглым пятном верхнего света. Таким образом, стоя в темноте, почти рядом с актерами, я смотрел на театр, на вспыхивающие там и сям рубины биноклей. «Жизнь Человека» шла рядом со мной, рядом пронзительно кричала в родах мать, рядом нервно бегал по диагонали доктор в белом фартуке с папироской; и, главное, рядом стояла четырехугольная спина «Некто в сером», который из столба матового света бросал в театр свои слова.

Эти слова казались и кажутся многим пошлостью. Я помню, что они смертельно надоели и великолепно произносившему их актеру — К. В. Бравичу, тоже уже покойному теперь. Но что-то есть в этих словах, что меня до сих пор волнует:

«Смотрите и слушайте, пришедшие сюда для забавы и смеха. Вот пройдет перед вами вся жизнь Человека с ее темным началом и темным концом. Доселе не бывший, таинственно сохраненный в безграничности времени, не мыслимый, не чувствуемый, не знаемый никем...»

«...Ледяной ветер безграничных пространств бессильно кружится и рыскает; колебля пламя, светло и ярко горит свеча. Но убывает воск, сжигаемый огнем. Но убывает воск...»

«...И вы, пришедшие сюда для забавы и смеха, вы, обреченные смерти, смотрите и слушайте: вот далеким и призрачным эхом пройдет перед вами, с ее скорбями и радостями, быстротечная жизнь Человека».

Андрей Белый называл то, чем проникнута эта пьеса, «рыдающим отчаяньем». Это-правда; рыдающее отчаянье вырывалось из груди Леонида Андреева не раз, и некоторые из нас были ему за это бесконечно благодарны.

Помню потом также поразившую меня «Повесть об Иуде». Потом меня ничто уже не поражало, но я твердо знал, «о чем» Леонид Андреев, и Леонид Андреев знал, о чем мы бы могли с ним быть. «О чем быть», — говорю я, а что это значит, — не

знаю, и он не знал. Через год писал мне Андреев: «Сколько раз я к Вам собирался, как хотел Вас по-видать, — и все не приходится, все не приходится... Почему мы с Вами идем против судьбы?» — Но мы не увидались.

Прошел еще год, он, как будто, нашел реальный повод для нашей встречи (это была моя пьеса «Песня Судьбы», которая ему, впрочем, очень не нравилась), но и из этого ничего не вышло. Я ему ответил, не желая обижать его, но он немножко обиделся. Это был уже 1909 год; тучи реакции сгустились. Я тогда уехал в Италию, где обожгло меня искусство, обожгло так, что я стал дичиться современной литературы и литераторов заодно. Еще много было причин, почему я почти со всеми перестал видаться и ушел в свои «одинокие восторги». Леонид Андреев тем временем тоже уже был другой, в нем накопилось много всякой обиды, слава его была громка, но критика его не щадила, а он был к ней странно внимателен.

В 1911 году опять почему-то вспомнил он меня — поводом было одно из моих стихотворений. «Нужно ли это писать Вам или нет, не знаю, — прибавляет он в письме, — может, и не нужно». Прислал «Сашку Жегулева», я ему, кажется, послал книги; тем дело и кончилось; не помню, встречались ли мы еще, до такой степени незначительны были слова, сказанные друг другу, если мы и встречались.

В конце 1916 года вернулся я в Петербург ненадолго в отпуск и нашел очень милое письмо, которым Л. Н. звал меня принять участие в газете «Русская воля», где он редактировал литературный и театральный отдел. В письме этом были слова о том, что газету «зовут банковской, германофильской, министерской — и все это ложь». Мне все уши прожужжали о том, что это — газета протопоповская, и я отказался. Л. Н. очень обиделся, прислал обиженное письмо. Отпуск мой кончился,

и я уехал, не ответив. На том и кончилось наше личное знакомство — навсегда уже.

Сравнительно с тем, что знали мы с Андреевым друг о друге где-то в глубине, — все встречи и письма, а тем более разговоры о иудаизме, Протопопове, германофильстве и т.д. были — сплошным вздором, бессмысленной пошлостью. И однако, если бы сейчас оказался в живых Л. Н. и мы бы с ним встретились, мы бы также не нашли никаких общих тем для разговора, кроме коммунизма или развороченной мостовой на Моховой улице.

Мы встречались и перекликались независимо от личного знакомства — чаще в «хаосе», реже — в «одиноких восторженных состояниях». Знаю о нем хорошо одно, что главный Леонид Андреев, который жил в писателе Леониде Николаевиче, был бесконечно одинок, не признан и всегда обращен лицом в провал черного окна, которое выходит в сторону островов и Финляндии, в сырую ночь, в осенний ливень, который мы с ним любили одной любовью. В такое окно и пришла к нему последняя гостья в черной маске — смерть.

*Анна Ильинична Андреева с детьми. 1920-е гг.
Из фондов ОГЛМТ*

Печатная машинка писателя. Из фондов ОГЛМТ

К 150-летию со дня рождения

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ: ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

Леонид Андреев*

День. Это было в ночь с 6-го на 7-е [сентября].

Я проснулся, как обычно, на рассвете. В щель неплотно задернутой занавески шел слабый серый свет. После первых мгновений бессознательности, когда я чувствовал только постель, недавний сон и слабый сумеречный свет, я понял, что это — рассвет, когда прилетают аэропланы, именно этот самый час, что я проснулся, и что полная тишина дома и снаружи и что и нынче налета, видимо, не будет. Прислушался: тихо, даже прибоя не слышно, должно быть, погожее спокойное утро, как все это время. Если бы не простуда, я вышел бы на балкончик, раскрыл окно и поглядел на море, но тут просто закурил и остался лежать, думая о том же, что аэропланов нет и что это последняя ночь, которую мы проводим в ожидании налета. И тут послышалось как будто легкое жужжание — я быстро поднял голову с подушки: нет, тихо, вероятно, обычный шум в ушах от хинина. Опять лег — опять быстро поднял голову: жужжит довольно явственно.

Неужели?

Вышел из спальни в кабинет, откуда балкончик, потом на балкон — все в сером свету, и уже совершенно явственно и несомненно гудит пропеллер, и как будто не один, и где-то близко. А в доме тихо, и рассвет, и комнаты на рассвете. Сразу задохнувшись от волнения (такое теперь у меня сердце), я на цыпочках подошел к Анне, коснулся ее и прошептал:

— Вставай.

— Что?

— Аэропланы.

Она выскочила в кабинет, а я стал поспешно одеваться, с трудом находя рукава, и когда вышел к ней, она стояла странная, испуганная, в одной рубашке и смотрела вверх, где над потолком и крышей, где-то совсем близко, решительно, свободно и шумно работали пропеллеры. Анна шепчет:

— Что это? Неужели?

* Андреев Л. Н. Дневник (последняя запись). 1919 г.

— Не знаю. Слушай.

Гудят. Еще все было, как всегда, еще оставалась грань, которая отделяет простое, обычное, всегдашнее от чего-то иного, чего мы не знаем. И вдруг справа огромный, тупой и короткий удар-разрыв. Через полминуты — второй, такой же огромный, тупой и короткий.

Значит: это? Анна суется по комнате, шепчет: Боже мой, Боже мой, что же это, что же делать? И вот этот переход из сферы обычного в сферу иного и был самым разительным чувством; такое же чувство я испытал, когда Германия объявила войну России и еще раз — когда 26-го февраля [1917] перед моими глазами впервые в жизни раздались пачечные выстрелы по народу.

Третий разрыв, как будто громче и ближе первых. Я успокаиваю:

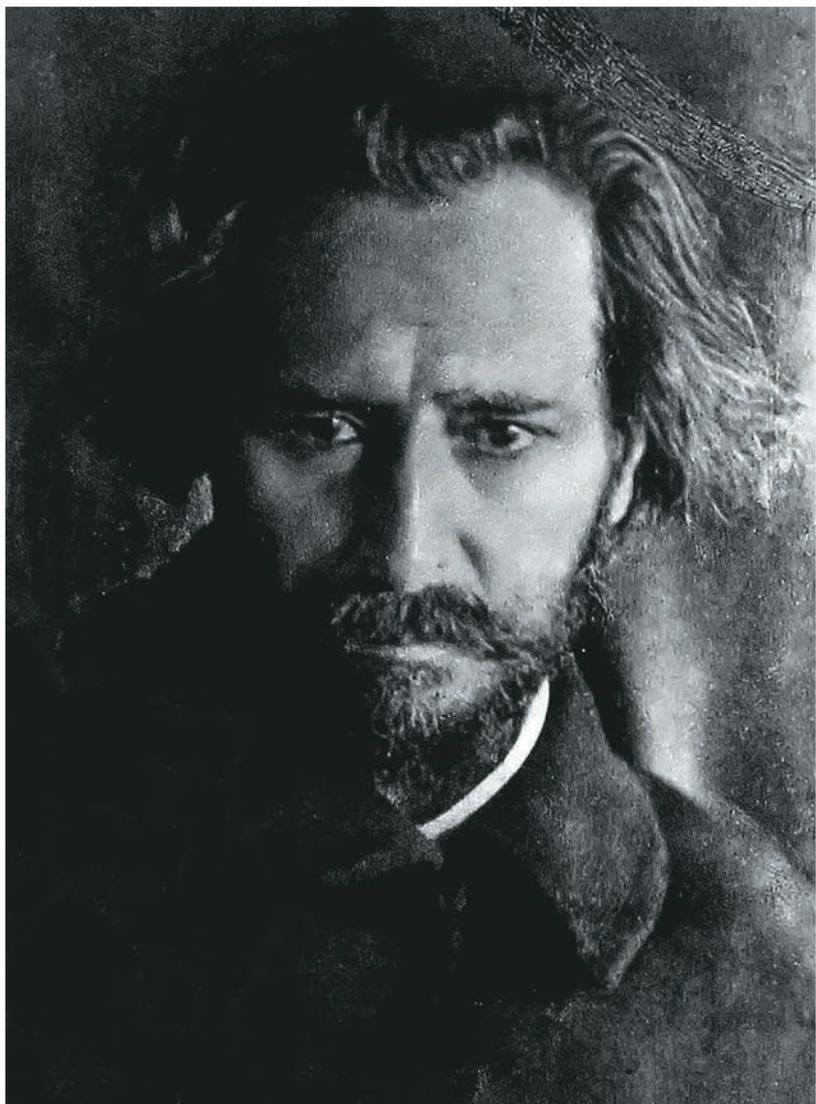
— Не бойся, это на горе (хотел сказать: корнише).

Я сбегал в спальню, достал и закурил папиросу. Возвратившись, наткнулся на полуодетого Вадима, за ним шла мать. А гудение продолжается и взрывы, то ближе, то дальше; главное мы слушали гудение, как оно то приближалось — и тогда приостанавливалось дыхание... и дальше, и опять ближе. Послал Анну разбудить Саввку (остальные дети были уже в Мустамьяках), тот в одной рубашонке, очень испуган. Уже проснулся и весь дом, где-то по соседству жалко и мелко трещат солдатские ружья.

Но стало спокойнее, кончилось необычное, и все уже сводится к ожиданию, к расчетам и случайности. И взрывы все дальше. Мать держалась с изумительным, даже немного смешным спокойствием, успокаивала Анну и Саввку, но еще долго слушали гудение, рассчитывали и ожидали возвращения. Кажется, пролетели наконец назад. Тишина. Наружу я ни разу не вышел, тщательно и упорно оберегаясь простуды.

Потом возбужденный разговор о минувшем. Приказал взогреть чаю и с жадностью выпил. Все легли спать, заснула и Анна. Над морем розовели облачка, стало светло, широко и просторно. А я до утра не мог заснуть: все думал, представлял и грезил необычайным — как проснулся — как они гудели — и первый удар — и как свершилось то, что ожидалось.

*Последняя фотография Леонида Андреева.
Из фондов ОГЛМТ*

*Устье Черной Речки. Фото А. Никулина.
Из фондов Музея Леонида Андреева в Бутове*

*Прощание с Л. Н. Андреевым у часовни Горбик-Ланге
рядом с дачей Ф. Н. Фальковского в Неуволе. Финляндия,
1919 г. Из фондов ГМИРПИ им. В. И. Даля*

*Могила Л. Н. Андреева в Финляндии на Марьиной горе.
1947 г. Из фондов ГМИРПИ им. В. И. Дала*

*Могила
Леонида Андреева на
Литераторских мостках.
Санкт-Петербург,
Волковское кладбище.
Из фондов ОГЛМТ*

Биографическая справка о Леониде Андрееве*

Андреев Леонид Николаевич [9 (21).08.1871, Орел — 12.09.1919, дер. Нейвола, Финляндия, ныне пос. Горьковское Выборгского р-на Ленингр. обл.], русский прозаик, драматург, публицист. Отец Даниила Андреева. Сын частного землемера. Окончил юридический факультет Московского университета (1897). С 1897 служил помощником присяжного поверенного Московского судебного округа, одновременно работал судебным репортером в газете «Курьер», где с 1900 года вел два цикла фельетонов — ежедневный «Впечатления» и воскресный «Москва. Мелочи жизни», а с декабря 1901 года заведовал беллетристическим отделом. Первое выступление в печати — рассказ «В холоде и золоте» (1892), но сам Андреев литературным дебютом считал пасхальный рассказ «Баргамот и Гараська» («Курьер», 1898, 5 апреля). Известность получил после первой книги «Рассказы» (1901), выпущенной на средства Максима Горького, публиковался в редактировавшихся им сборниках реалистической направленности. Вместе с тем явственные переключки с классической традицией, с темами и мотивами Ф. М. Достоевского, В. М. Гаршина, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова уже в ранних рассказах Андреева («Большой шлем», 1899; «Молчание», 1900; «Стена», 1901; «Бездна», «В тумане», «Мысль», 1902, и др.) соединялись с модернистской интерпретацией бытия и человека, вниманием к иррациональным и подсознательным пластам существования (обусловленным влиянием философии А. Шопенгауэра и Э. Гартмана, отчасти Ф. Ницше). Точность в выборе общественно значимой проблематики, возведение социальной конкретики к метафизическим универсалиям, напряженный психологизм повествования (нередко передающего крайние, пограничные состояния персонажей), своеобразие стиливой манеры Андреева-прозаика («Жизнь Василия Фивейского», 1904; «Красный смех», «Вор», 1905; «Губернатор», 1906; «Иуда Искариот и другие», 1907; «Рассказ

* Большая российская энциклопедия : сайт. URL: <https://bigenc.ru/literature/text/1822745> (дата обращения: 20.08.2021).

о семи повешенных», «Мои записки», 1908, и др.), во многом предвещающей поэтику экспрессионизма, делали его новаторское творчество в 1900-х — начале 1910-х гг. барометром социокультурных и интеллектуально-эстетических настроений России. В литературе Андреев занимал обособленную позицию, находясь как бы в промежутке между реализмом и модернизмом. В своих мировоззренческих исканиях он (как свидетельствуют биографические материалы — неосознанно) сближался с экзистенциалистской философией Л. Шестова и Н. А. Бердяева. Яркие выраженные в этот период мотивы тотального отчуждения человека от враждебного ему бытия сменяются в первый пол. 1910-х гг. надеждами на возможность примирения с мирозданием (например, рассказ «Полет», 1914), но в конце жизни вновь усиливаются настроения пессимизма (неоконченный роман «Дневник Сатаны», опубликованный посмертно в 1921). В области драматургии новаторство Андреева выразилось в попытках создать пьесы, в которых традиционное жизнеподобие заменялось бы символически насыщенным условным сюжетом, сочетавшимся с экспрессионистским стилем и способным вместить в себя все этапы существования индивида («Жизнь Человека», 1907), обобщенные образы социальных катаклизмов («Царь Голод», 1908), фантомы подсознания («Черные маски», 1908). В своей концепции «театра панпсихизма» (1912–14) Андреев утверждает приоритет интеллектуальных начал в грядущей эволюции театра. Отчасти эта концепция была реализована в его поздних пьесах («Тот, кто получает пощечины», 1915; «Реквием», 1917; «Собачий вальс», 1922), в которых особенно остро звучит тема трагедийности индивидуального существования. Пьесы Андреева, как экспериментальные («Жизнь Человека», «Анатэма», 1908), так и более традиционные («Дни нашей жизни», 1908; «Анфиса», 1909; «Gaudeamus», 1910; «Екатерина Ивановна», 1912), ставили крупнейшие режиссеры (К. С. Станиславский, Вл. И. Немирович-Данченко, В. Э. Мейерхольд); они с успехом шли во многих российских и европейских театрах.

М. В. Козьменко

Дом Леонида Андреева в Орле

Классик русской литературы Леонид Николаевич Андреев родился в Орле 21 августа 1871 года, 150 лет назад. Здесь прошло его детство, отрочество, юность. В нашем городе он окончил гимназию, а позже, будучи студентом Московского университета, приезжал на каникулы домой.

Орел и родные Пушкарные улицы дали богатый материал для творчества писателя. Это такие его известные произведения, как «Баргамот и Гараска», «Ангелочек», «Кусака», роман «Сашка Жегулев» и другие.

На протяжении многих десятилетий орловцы хранят память о своем знаменитом земляке. 21 августа 1991 года в Орле, в родном доме на 2-й Пушкарной, 41, был открыт первый и на сегодняшний день единственный в мире Дом Леонида Андреева. Сегодня он является филиалом Орловского объединенного государственного литературного музея И. С. Тургенева.

Построенный в 1874 году отцом писателя, почти полностью сохранившийся до наших дней дом помогает понять, как из маленького «пушкаря» Леонид Андреев стал одним из самых популярных писателей XX века, талантливым драматургом, художником, прекрасным фотографом.

Основным экспонатом этого музея является сам дом, сохранившийся до наших дней почти в первоначальном виде. Многие помнят стены дома. Помнят, как исследовал Леонид чердаки и подвалы в поисках того, что взрослые называют одним словом — «мусор», как читал он книги Майн Рида и Жюль Верна; мечтал о дальних морских путешествиях, а после посещения театра разыгрывал целые спектакли перед своими сверстниками. В этом доме мать, Анастасия Николаевна, помогала сыну делать первые рисунки, научила фантазировать и приучила его к сознательному творчеству. Отсюда в 1882 г. Леонид пошел в первый класс гимназии, а в 1891 году уехал из этого дома в большую жизнь — учиться

в Петербургском университете. Воссоздавая атмосферу жизни и быта бывшей окраины города Орла в конце XIX века, экспозиция музея ведет посетителей к пониманию истоков разносторонних дарований человека. Наряду с материалами, рассказывающими о литературном творчестве писателя, посетители узнают о Леониде Андрееве — художнике, фотографe. Необычайная талантливость, выразившаяся в самых разнообразных формах художественного творчества, и составляет мир Леонида Андреева.

Год 150-летия писателя Дом отметил многими событиями: большим традиционным праздником на 2-й Пушкарной улице, организацией международной научной конференции «Творчество Леонида Андреева: современный взгляд», участием в нескольких выставочных проектах в разных городах России, собственной уникальной выставкой «Дни нашей жизни» и другими мероприятиями.

Татьяна Викторовна Полушина,
заведующая Домом
Леонида Андреева в Орле

Дом Леонида Андреева в Орле

Дом Леонида Андреева в Орле

К 150-летию со дня рождения

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ: ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

Музей Леонида Андреева в Бутове

Краеведческо-экологическое общество «Бутово» в память о выдающемся русском писателе Леониде Андрееве в 2018 году на территории бывшего дачного поселка Бутово решило создать небольшой музей, посвященный жизни и творчеству писателя в начале XX века. Музей Леонида Андреева в Бутове — это попытка увидеть запечатленный писателем фрагмент одного летнего безмятежного дня на даче из той, ушедшей жизни.

«Была ранняя весна, — начал свой рассказ “На станции” Леонид Андреев, — когда я приехал на дачу, и на дорожках еще лежал прошлогодний темный лист». Именно здесь, в Бутове, вскоре после рождения сына Вадима, Леонид Андреев с семьей снимает на все лето 1903 года большую дачу. Значительную часть времени дачники посвящали прогулкам по живописным окрестностям. Один из друзей Леонида Андреева, писатель Борис Константинович Зайцев, бывавший на бутовской даче, впоследствии писал: «С полей веет простором и приветом родной России. Мы же идем легко, быстро и говорим взволнованно. Вот он меня провожает на платформе — в своей широкополой, артистической шляпе, в какой-нибудь синей рубашке, с летящим галстуком, с возбужденными, черно-блистающими глазами. Это оживление и возбуждение так молодит! И так хороша молодость пылкими разговорами, одушевлением, легкой влюбленностью. Поезд, зарей вечерней, летит в Москву; смотришь в окно, вновь переживаешь пережитое, и дома, возвратясь, заснешь не сразу».

Несомненно, лето 1903 года в Бутове было одним из лучших периодов жизни писателя. Здесь он впервые услышал слово «папа» от своего сына, здесь с ним рядом была любимая им Шурочка — Александра Михайловна Андреева. Но в 1906 году Александра Михайловна умирает после тяжелых родов второго сына Даниила. Это событие стало для писателя тяжелейшим ударом: «все его мысли и речи сосредоточенно вращались вокруг воспоминаний о бессмысленной гибели “Дамы Шуры”».

И именно поэтому счастливые дни, проведенные в Бутове, сохранялись в памяти Леонида Андреева в течение всей жизни.

Основу экспозиции составили уникальные фотоснимки, созданные Леонидом Андреевым в Бутове в 1903 году. Большая часть из них хранится в Орловском объединенном государственном литературном музее И. С. Тургенева. Также там представлены подлинные предметы мебели и быта начала XX века: книги, фотографии, фарфор, а также картины современных художников, предоставленных из частного собрания и фондов Краеведческо-экологического общества «Бутово».

Знакомство с экспозицией музея начинается в небольшой передней, где гости могут познакомиться с Леонидом Андреевым, увидев уникальные кадры фильма А. Дранкова (1909 г.). Это единственная киносъемка Леонида Андреева и его повседневной жизни на Черной речке под Петербургом: прогулки по парку, чаепитие в домашнем кругу, детские игры и катание на лодках — все это передает дух ушедшего времени и неповторимую картину частной жизни писателя. Этот фильм, увиденный в 1960-е годы другом Андреева К. Чуковским, буквально потряс его: прожив долгую жизнь, он словно очутился вновь вместе с теми людьми, которых давно уж нет, но которых он очень хорошо знал и любил.

Образ дачного дома создают садовая скамейка, фонарь и старинный столик, рядом с которым прогулочная трость начала прошлого века. А центральной частью передней стали бутовские артефакты — оконный наличник одного из снесенных домов поселка Бутово и большой сундук, обитый металлом. Здесь же можно увидеть изображения, иллюстрирующие историю усадьбы Бутово и одноименной железнодорожной станции, которая была центром дачной жизни в те времена. Об этом напоминает и железнодорожный фонарь на старинной подставке, который здесь находится.

Основная экспозиция музея представлена прежде всего серией увеличенных фотоснимков, сделанных Леонидом Андреевым на даче в Бутове в 1903 году. Начинаящий фотограф Леонид Андреев

(впоследствии технически отточивший свое мастерство) запечатлел гостей и родных на бутовской даче: Александру Михайловну Андрееву (Велигорскую), жену; мать Анастасию Николаевну Андрееву (Пацковскую); старшего сына Вадима, брата Павела Николаевича Андреева и других.

На стене комнаты фотографии близких друзей и людей писателя. Самыми ценными экспонатами стали подлинные автографы и письма Леонида Андреева. Здесь же, в витрине, стереоскоп 1897 года, такой же был и у Л. Андреева. Кроме того, можно увидеть некоторые уникальные издания произведений писателя, например: первый сборник рассказов с автографом издателю, принесший Андрееву всероссийскую славу, и первое издание последнего его произведения «Дневник сатаны».

На письменном столе в стиле модерн среди рабочих предметов (печатной машинки, чернильницы, книг) располагается уникальный артефакт — сентябрьский номер газеты «Русская воля» 1917 года, в котором Л. Андреев, будучи заведующим литературной редакцией газеты, напечатал свою пророческую статью «Veni, Creator!», посвященную грядущему ужасу революции и личности В. Ленина.

Образ комнаты дома писателя создают массивные кабинетные кресла с уникальной обивкой в стиле модерн, венские стулья, этажерка, столики и подставки с предметами эпохи: кузнецовским фарфором, кофейным набором, книгами, фотографиями в рамках, стеклянными керосиновыми лампами и, конечно, пишущей машинкой, которая всегда путешествовала вместе с писателем.

Вторая комната музея представляет собой столовую с открытой верандой как напоминание о дачной жизни. Здесь можно познакомиться с творчеством писателя, за большим старинным столом посмотреть открытки и книги, в том числе принадлежавшие старшему сыну — Вадиму Андрееву.

На стенах четыре акварели художника А. Кривогиной с изображениями дачных героев произведений Андреева: Петькой из рассказа «Петька на даче», жандармом из рассказа «На станции», священником из повести «Жизнь Василия Фивейского» и несчаст-

ной дворняжкой, героиней рассказа «Кусака». Здесь же копия картины Л. Андреева, созданной им по мотивам «Капричос» Ф. Гойи, именно этот рисунок углем находился в рабочем кабинете писателя в доме на Черной Речке.

А на противоположной стене в старинной раме можно увидеть работу московской художницы М. Ермоленко «Бутовский лес». Обстановку комнаты составляют традиционные предметы мебели, характерные для дачных домов начала XX века: буфет, комод, старинное зеркало, этажерка, столик, а также оригинальные стулья «Тонет» редкого дизайнера в стиле модерн. Игрушки в углу комнаты напоминают о главных обитателях андреевской дачи — детях.

В нескольких шагах от музея в тени старинных деревьев располагается место, где в начале XX века Леонид Андреев и члены его семьи проводили время летнего отдыха. Многие изменилось с тех пор, иное исчезло бесследно... 25 августа 2021 года в живописном парке на месте, где когда-то находилась дача Леонида Андреева, прошел праздник, посвященный 150-летию со дня рождения писателя. Главное событие праздника — презентация образовательно-выставочного проекта и большая экскурсия по андреевским местам в Бутове. Неспешная жизнь дачного места запечатлена в целой серии фотографий, сделанных самим писателем. Фотопейзажи возрастом почти 120 лет и современные виды могли сравнить все гости выставки. Праздник, посвященный юбилею Андреева, впервые прошел в историческом месте, на территории бывшей усадьбы Бутово.

Музей Леонида Андреева в Бутове совсем небольшой, но представляет собой продуманное музейное пространство с душой, подлинными предметами эпохи и автографами писателя. Сегодня здесь проходят экскурсии и проводятся учебно-просветительские и памятные мероприятия.

В год 100-летия памяти Леонида Андреева Музей писателя в Бутове и краеведческое общество при поддержке Орловского объединенного государственного литературного музея И. С. Тургенева издали сборник избранных произведений Леонида Андреева, куда вошли его ставшие уже хрестоматийными

рассказы о дачной жизни «Петька на даче» (1899) и «Кусака» (1901), «На станции», а также философская повесть «Жизнь Василия Фивейского», созданные на даче в Бутове в 1903 году. Кроме того, представлен отрывок из «Дневника Димискина», посвященного раннему детству первенца Леонида Андреева — Вадиму. Также сборник содержит рассказ о творчестве Леонида Андреева в период его жизни на бутовской даче в разные годы начала XX века и о значении этого места в судьбе его семьи.

В 2021 году, к 150-летию Леонида Андреева, Музей сделал первые шаги к увековечению памяти выдающегося русского писателя в Москве. Рабочая группа Городской межведомственной комиссии по наименованию территориальных единиц, улиц, станций метрополитена, организаций и других объектов города Москвы поддержала инициативу нашего Краеведческо-экологического общества по присвоению одной из улиц столицы имени Леонида Андреева. Появится она непосредственно в том месте на территории бывшей усадьбы Бутово, где в начале XX века писатель бывал на отдыхе и плодотворно работал.

Музей Леонида Андреева в Бутове развивается, появляются новые интересные предметы, которые занимают свои места в экспозиции. Среди них картины Аллы Андреевой, жены Даниила Андреева (второго сына писателя), а также финский пейзаж Леонида Андреева (?) 1918 года.

Антон Семёнович Никулин,
президент Фонда поддержки культурных
и научно-просветительских инициатив
«Родное наследие», руководитель
Музея Леонида Андреева в Бутове

*Парк усадьбы Бутово. 2020 г.
Фото: Е. Манаков*

Музей Леонида Андреева в Бутове

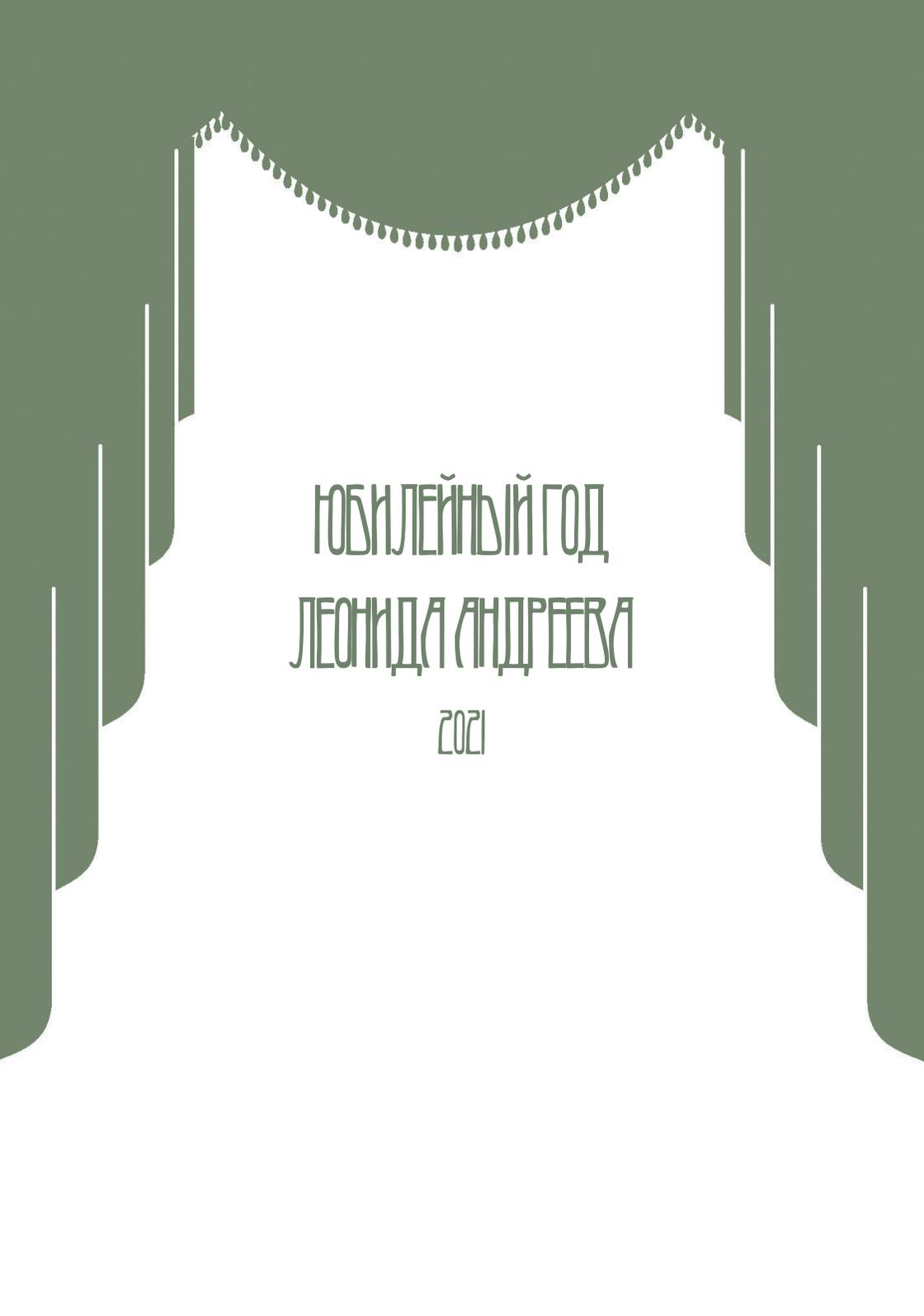

Музей Леонида Андреева в Бутове

Музей Леонида Андреева в Бутове

ЮБИЛЕЙНЫЙ ГОД
ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА
2021

*Андреевский праздник в Орле. 21 августа 2021 г.
Фото: пресс-служба ОГЛМТ*

*Татьяна Полушина,
Вера Ефремова
и Антон Никулин
на юбилейном празднике
в Орле. 21 августа 2021 г.
Фото: пресс-служба
ОГЛМТ*

*Антон Никулин ведет экскурсию для гостей Андреевского праздника в Бутове, почетный гость — депутат Госдумы РФ, Герой России Р. Романенко. Парк усадьбы Бутово, 21 августа 2021 г.
Фото: Н. Никольская*

*Презентация Всероссийского андреевского урока.
На фото: Антон Никулин, Наталья Никольская,
Дмитрий Алексеев. 12 сентября 2021 г. Фото: Т. Мазуров*

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Дмитрий Бак на открытии выставки «Леонид Андреев: жизнь Человека» в ГМИРЛИ им. В. И. Даля. 2 сентября 2021 г. Фото: пресс-служба ГМИРЛИ им. В. И. Даля

Выставка «Леонид Андреев: жизнь Человека» в ГМИРЛИ им. В. И. Даля. Антон Никулин, Дмитрий Алексеев и куратор выставки Марина Краснова. 2 сентября 2021 г. Фото: Т. Белая

Антон Никулин,
Вера Ефремова
и Дмитрий Алексеев
на открытии выставки
в ГМИРЛИ
им. В.И. Даля.
2 сентября 2021 г.
Фото: Т. Белая

Презентация Всероссийского андреевского урока. На фото:
Наталья Лазарева, Татьяна Пасман, Анастасия Димитриева,
Эрнест Орлов, Дмитрий Быков, Екатерина Жузе, Галина
Нефедова. 12 сентября 2021 г. Фото: Т. Мазуров

*Михаил Козьменко, Сергей Арутюнов, Антон Никулин
и Михаил Шапошников в программе «Наблюдатель».
28 сентября 2021 г. Фото: Телеканал «Культура»*

*Нина Григорьева —
краевед и организатор
Андреевского форума
в Зеленогорске
на открытии мероприятия.
9 декабря 2021 г.
Фото: Д. Алексеев*

*Участники Международной конференции
«Творчество Леонида Андреева: современный взгляд».
Орел, 3 октября 2021 г. Фото: пресс-служба ОГЛМТ*

*Апробация Всероссийского андреевского урока в музейном
пространстве. 15 октября 2021 г. Фото: А. Никулин*

Участники экскурсии по местам Леонида Андреева в Петербурге у дома Адамини. Автор экскурсии — Е. Булышева. 31 октября 2021 г. Фото: Т. Белая

Депутат Мосгордумы Людмила Гусева на презентации Образовательно-выставочного проекта к 150-летию писателя Леонида Андреева. 8 декабря 2021 г. Фото: Т. Белая

О проекте

Писатель, журналист, редактор, художник, драматург, теоретик театрального искусства, яхтсмен, фотограф... Многогранный образ Леонида Андреева — бесконечно честного и всецело преданного своим идеям — запечатлен в программе «Леонид Андреев: жизнь Человека», приуроченной к 150-летию писателя. Акты его жизни от самого начала в Орле и до кончины на берегах Черной Речки под Петербургом будут сыграны на страницах юбилейного альбома и большой передвижной выставки. Первым прикосновением к его творчеству для тысяч молодых людей станет погружение в мир его произведений в дни проведения Всероссийского Андреевского урока. Сохранить в памяти, в вечности музейные реликвии и показать миру новые находки из мира Андреева поможет пространство специального портала andreevleonid.ru.

Итак, «смотрите и слушайте, пришедшие сюда для забавы и смеха. Вот пройдет перед вами вся жизнь Человека, с ее темным началом и темным концом. Доселе небывший, таинственно схороненный в безграничности времен, не мыслимый, не чувствуемый, не знаемый никем, — он таинственно нарушит затворы небытия и криком возвестит о начале своей короткой жизни. В ночи небытия вспыхнет светильник, зажженный неведомой рукою, — это жизнь Человека. Смотрите на пламень его — это жизнь Человека».

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ: ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

Образовательно-выставочный проект к 150-летию со дня рождения писателя Леонида Андреева осуществляется при поддержке Министерства просвещения Российской Федерации в рамках реализации федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» национального проекта «Образование» в 2021 году, оператор проекта — АНО ДПО «Институт повышения квалификации государственных служащих» и Фонд «Родное наследие» при поддержке организаций-партнеров: Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля, Орловского объединенного государственного литературного музея И. С. Тургенева, Музея Москвы, Дома детского творчества на Таганке, Шуваловской школы № 1448, Школы № 1161.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Акт I. Рождение Человека	7
<i>Леонид Андреев</i>	9
<i>Максим Горький</i>	13
<i>Леонид Андреев</i>	24
Акт II. Любовь и бедность	29
<i>Борис Зайцев</i>	31
<i>Николай Телешов</i>	37
<i>Леонид Андреев</i>	48
<i>Леонид Андреев и Александра Михайловна Андреева</i>	50
Акт III. Богатство	69
<i>Леонид Андреев</i>	71
<i>Корней Чуковский</i>	79
<i>Борис Зайцев</i>	88
<i>Леонид Андреев</i>	96
Акт IV. Несчастье	103
<i>Георгий Чулков</i>	105
<i>Вадим Андреев</i>	111
<i>Леонид Андреев</i>	120
Акт V. Смерть Человека	125
<i>Александр Блок</i>	127
<i>Леонид Андреев</i>	132
Биографическая справка о Леониде Андрееве	137
Дом Леонида Андреева в Орле	139
Музей Леонида Андреева в Бутове	142
Юбилейный год Леонида Андреева	149
О проекте	157

Научно-популярное издание

Составители:

Дмитрий Александрович **Алексеев**
Антон Семёнович **Никулин**

Руководитель проекта

Наталья Эдуардовна **Никольская**

ЛЕОНИД АНДРЕЕВ: ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

Ответственный редактор *Ирина Яковлева*
Компьютерная верстка *Юлия Соколова*
Дизайн обложки *Алан Нехай*

Формат: 60×90/16. Бумага мелованная. Гарнитура Helvetica.
Подписано в печать 15.11.2021. Усл. п. л. 10. Тираж 1000 экз.

АНО ДПО «Институт повышения квалификации
государственных служащих»
115088, г. Москва, ул. Южнопортовая, д. 15, стр. 1, ipk_gs@mail.ru

Фонд поддержки культурных и научно-просветительских инициатив
«Родное наследие»,
117624 г. Москва, ул. Ливенская, 6-107; kraeved@yandex.ru

Общество с ограниченной ответственностью
«Издательство + дизайн-бюро «ред.»
<http://redbureau.ru/>

Отпечатано в издательстве «Ru-Science»
117218, г. Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2 подъезд 2, этаж 3;
autor@ru-science.com